

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration of a city street at night. A central figure, a hooded man in a dark, textured coat, stands with his hands in his pockets, looking towards the viewer. The street is lined with buildings, some with lit windows and street lamps. In the distance, a large, ornate building with a clock tower is visible. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and blacks, with some warm orange and yellow light from the street lamps and windows. The text is overlaid on this scene in a bold, stylized font.

ДМИТРИЙ БИЛИК
ИМПЕРСКИЙ СЫЩИК:

АХОВМЕДСКАЯ
СВЯТЫНЯ

Дмитрий Александрович Билик Имперский сыщик. Аховмедская святыня

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70382428*

Аннотация

Не думал, не гадал Мих, как дуэль двух высокородных на его жизнь повлияет. Ведь пошел посмотреть одним глазком, а на следующий день – бах, явиться к обер-полицмейстеру. И ныне он не просто орчук, а коллежский регистратор при приставе-маге следственных дел по особым поручениям. И то ли еще будет.

Содержание

Глава 1, в которой Мих видит самую настоящую дворянскую магию	4
Глава 2, где Мих становится ярыжкой, а Витольд Львович – и того больше	23
Глава 3, где Мих едет в Захожую слободу и видит много диковинного люду	43
Глава 4, в которой Мих узнает об аховмедском Логофете и еще больше про Ковчег	66
Глава 5, более подробно рассказывающая о дворянских семьях	88
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Дмитрий Билик

Имперский сыщик.

Аховмедская святыня

Глава 1, в которой Мих видит самую настоящую дворянскую магию

– Поединок! Поединок!

Мимо почти пронеслась ватага незнакомых мальчишек. Один из них, белобрысый с перебитым набок носом, на секунду задержался, уже даже за камнем нагнулся, но Мих прорычал ему в спину:

– Лучше не надо, паря...

– Митька, да брось ты, не видишь – орчук? Руки об такого только марать.

Белобрысый трусливо обернулся и умчался прочь. Много их таких бегают, всем полукровка как бельмо на глазу, каждый и норовит поддеть, унизить или просто осмеять. Нечто мало жизнь Муха била-кручинила? Орчук поднялся на ноги, отряхнул широкие короткие штаны, поковырял мостовую босым пальцем и покрутил головой.

Солнца за тучами не видно, те аж будто над крышами висят, но чутьем своим звериным, за долгие года родичами-кочевниками выпестованным, знал орчук, что время к закату близится. Что то значит? Не будет больше сегодня работы. Не станет половой кричать его по мелкому поручению, не прикажет купец товар какой к дому снести, не попросит кузнец лошадь для перековки подержать. Поесть, значитца, надо да спать идти.

Мих отер пот с широкого крепкого лба. Ох, духота-то какая, разродиться бы небу дождем, а то мочи совсем нет. Пучится тучами, пучится весь день, да толку никакого. Ему-то еще ладно – привыкший к жаре, – а вот барыню одну давеча сморило. Прямо тут, несчастная душа, упала; кабы не он, голову расшибла б. Милая такая, сахарная, кожа белая, Мих сроду даже рядом с такими не стоял. А она ему: «Мерси!» – и к сопровождающему вспорхнула. Эх, кабы человеком был, так бы и приударил.

Орчук оглядел взглядом пустеющую улицу. Гордо выселись кирпичные молчаливые дома, пропахшие с парадных духами да одеколонами всякими, а с черного входа смердящие нечистотами и помоями, что прислуга прямо на ступени льет. Лениво переругивался биржевой извозчик с обычным ванькой, вставшим по ошибке на его место, но понимал Мих: не дойдет до драки, слишком уж жарко, чтобы кулаками махать. Возвращались со службы в пыльных штиблетах и мундирах не по размеру канцеляристы низших чинов, для кото-

рых обращение «Ваше благородие» – и то за счастье. Действительно, пора.

Купил Мих два калача огромных за четыре копейки. Еда хоть и черствая, залежалая, однако питательная. Да и любил орчук все самое простое, как папенька его говаривал, незамысловатое. Репу тушеную, кисель гороховый, рассольник, щи разномастные, даже из «людской» говядины, грибы в сметане запеченные, пироги. Бывало в дни жирные, прибыльные или особенно удачливые угощали его яствами наниматели – то ли из жалости, то ли забавы ради. Всем интересно поглядеть, как чудовище такое будет белорыбицу тушеную али артишоки фаршированные кушать. Не знали, что орчук не только этикетам разностным обучен, но даже грамоте мало-мальской. Все же папенька, царство ему небесное, был человеком, и всю жизнь старался из него, Михаила Бурдюкова, человека сделать.

А может, и вправду махнуть к Острожевскому тупику, поединок посмотреть? Время раннее, идти недалече, хоть какое-то разнообразие в жизни. Конечно, сошлись, по обыкновению, студенты меж собой: покричат, пошумят, шпагами помашут, ранятся немного да домой разойдутся. И то забава.

Прошел три улицы, ножищами толстыми мостовую меряя. Камень разгорячился за день, мимолетно ступать на него приятно, даже щекотно, а вот надолго не удержишься, обожжешься. Слава богу, в Острожевском тупике хоть и светло, но все же прохладнее. С трех сторон окружен он

высокими, в три этажа, домами, с четвертой, что на Верхнеколоменскую выходит, солнце лишь под вечер, как сейчас, зыркает.

Осмотрелся Мих: ох, божья мать-заступница, люду-то разного сюда набилось, как ворья на ярмарку! Рабочих десятков несколько; крестьян, что в город приехали; ребяташек прорва, шмыгают туда сюда; купцов восемь человек, пришли, не побрезговали, стоят особливой кучкой; служивых тоже много. Но самое главное, среди самих зачинщиков трое высокородных, таких по лицу и взгляду отличить нетрудно.

– Прощка, ходь сюды! – орчук увидел знакомую чумазую физиономию.

– Чего тебе, Мих? – малец хоть бока руками подпер, но все же подошел.

Махонький совсем, осьмилеток, Гришки-пропойцы сынок четвертый. Всю жизнь орчук удивлялся таким людям: живут чем Бог на день им подаст, а семьи большие. Дети в рванье, вечно голодные, однако из большинства люди настоящие вырастают. Если выживут, конечно.

Отломил половину от оставшегося второго калача и протянул мальцу. Тот не погнушался черствого хлеба, откусил.

– Прощка, а чего тама намечается?

– Нешто не видишь? Поединок.

– Оно и козе понятно, что не масленичные гулянья. Ты мне скажи, людей отчего так много? Да высокородные как

сюда прибились?

– Так биться будут высокородные оба, вот у них энти, как их самое... сенкунданты, вот.

– Нечто? – удивился орчук.

– И, это, ты место получше займи. Сейчас народу еще боле набежит. Поединок непростой, до Поглощения.

– Быть не может!

– Вот те и не может. Мих, побег я, а? – Прошка умоляюще посмотрел, гадая промеж себя, сполна он рассказал за кусок калача или нет.

– Ну, беги, – махнул в ответ орчук.

А сам начал продвигаться вперед, орудуя здоровенными руками. Зеваки недовольно оборачивались, некоторые даже словом бранным задевали, но, заметив круглое недоброе лицо (а Мих даже в самом благодушном расположении выглядел устрашающе, орочья кровь – она и есть орочья кровь), отступали в сторону. Так и вышел к первым рядам. А тут уж и рассмотреть дуэлянтов можно было.

Ближе к Миху стоял рослый красавец с пышными усами в служебном вицмундире. Орчук удивленно рассматривал однобортный полуфрак василькового цвета, застегнутый на желтые пуговицы с гербом, стоячий красный воротник из сукна и такого же цвета обшлага. Высокий полицейский чин, не иначе. Под рукой незнакомец держал суконную фуражку и перчатки из великолепно выделанной кожи. Мих окрестил его «Ваше Высокоблагородие». Возле красавца ожида-

ли трое секундантов, тоже из аристократов, по всей видимости, пришедшие с ним.

Рослый человек в хоть и хорошо чищенном, но поношенном и бедном гражданском мундире повернулся к первому спиной. Плечи покаты, но не из-за худобы, а скорее из-за плохой одежды, в петлицах три звездочки маленькие. Мих наморщился, вспоминая науку отца: стало быть, секретарь коллежский. Странно все это. Если Прошка не соврал и бой до *Поглощения*, стало быть, оба магией должны обладать. А это что значит? Оба из Высших семей, другие в их Славии волшебством не владеют. Так почему же тот, который спиной к нему, всего десятого чину, даже не дворянского?

Мих тихонько обошел по кругу, дабы получше того разглядеть. Тоже гож собой. Лицо как с картинки писано: нос длинный, глаза большие, даже бабьи, что ли, рот сжат, отчето лицо все серьезное, но благолепное. Вот только бледен уж сильно и лоб в испарине... Понятно дело, коли уж до *Поглощения* заругались, обратного тут давать нельзя.

А народу все прибывало. Горланили мастеровые, закатывали глаза в отдалении несколько институток, даже господа во фраках сюда прибились. Не иначе, с театру возвращались али еще из мест каких, куда простой челяди входу нет.

Меж тем один из аристократов, что с полицейским чином рядом стоял, подошел к «благолепному», поинтересовался о готовности. Секретарь коллежский, хоть и побледнел пуще прежнего, все же кивнул, вытащил шпагу из ножен и подо-

шел к «Высокоблагородию».

– Клянусь своими предками... – зычно начал рослый красавец.

– Клянусь своими предками, – вторил ему человек в потертом мундире, нагоняя словами противника.

– ...что добровольно вступаю в схватку, которая будет идти до полного *Поглощения* моих магических способностей, – теперь говорили вместе, будто репетировали прежде. – Слово истинно и обратной силы не имеет. Ибо так сказал...

– Дашков Михаил Николаевич, – закончил полицейский чин.

– Меркулов Витольд Львович, – сказал «благолепный» и замолчал.

Народ, вокруг собравшийся, ахнул. Из груди дуэлянтов, точно сердце выскочившее, свет появился. Мих глазами хлопал на диво дивное, впервые в жизни виденное, даже рот открыл. А свет – не тот, что от свечки церковной бывает, а скорее ежели на солнце долго смотреть, то потом перед глазом рябит, – разошелся по двум сторонам да обратно груди противников коснулся. Вот оно что, вроде они обещание друг другу дали, которое магия нарушить не позволит.

Теперь и секунданты даже отошли, руками зевакам машут, бранятся, на дуэлянтов показывая, мол, отойдите от греха. Мих оглобли свои выставил да сделал шаг назад. Многих захватил, под ним толпа заворчала, застонала, однако ж послушалась. И с другого края волнения увидели, тоже от-

ступили.

А господа ходить вокруг стали, шпаги вперед выставили, изучают друг друга. Полицейский чин махнул разок-другой, но «благолепный», что Витольдом назвался, хотя и бедный, все же мастерству боя обученный, оба раза клинок от себя отвел. Ясно дело, что бой тяжкий будет. Ладно, на деньги или другую глупость наживную, – так на самое дорогое, что в жизни есть, – на магию дерутся.

Для аристократа магии лишиться – как крестьянину руки по локоть отрезать. Бесплезным существом будет, как мышь, в кринке молока утонувшая. Слыхивал Мих от отца, хотя редко он о магии рассказывал, что «пустехи», то бишь люди, магии лишившиеся, все одно плохо кончают – стреляются или в петлю лезут. Оно и понятно, это как если бы было – у тебя сегодня все есть, а завтра возьми суму да иди побирайся. Только *Поглощение* пережить в разы труднее, оно ж все-таки магия. Тяжело к ней привыкают, а отпускает она еще мучительнее.

«Высокоблагородие» перестал ходить вокруг да около, коршуном взвился да пошел клевать противника. Тычет его шпагой то сверху, то снизу, иной раз с боков зайдет. А Витольд (имя какое презабавное, Мих такого слыхом раньше не слыхивал!) в самый последний момент то поднырнет, то шаг в сторону делает, но каждый выпад в сторону отводит. Как только успеваешь?

Тогда-то чудо и произошло. Полицейский шпагу занес,

однако ж бить не стал. Постоял недвижно, чуток всего, и стал исчезать. Сначала пальцы со шпагой пропали, будто ветром легкий дымок сдуло, потом голова погулять ушла, одно туловище осталось. Народ заохал. Кто-то из баб, что послабже духом, закричал, а Мих только подобрался – жутко ему интересно стало. Следом и все остальное тело истерлося. Был человек – и нету его вовсе. На секундантов поглядел – стоят ухмыляются. Ага, значит, не раз такое видали.

Витольд головой крутит, озирается. Пот с него уже градом льет, а он противника ищет. Потом сам затих, стоит, вроде слушает. И тут раз – руку вздернул вверх, и, как по нутру сталь о сталь звякнула, – отбил удар рубящий. А следом как пошел шпагой махать, да ладно бы без делу, так снова отбивается от «Высокоблагородия» невидимого. Сам отступает к стене дома, но не сдается. У Муха даже симпатии в его сторону возникать начали. Вроде низкого чину, магия у него то ли есть, то ли нет ее – а все же бьется, капитулировать (это слово тоже от отца орчуку в наследство досталось) не собирается. А потом, первый раз за все время, ногу вперед выставил, наклонился чутка да шпагу вытянул.

Как то произошло, Мих сам не понял, да только в момент один кончилось все. Стоит Витольд, мокрый как мышь, а на его клинке «Высокоблагородие» наколот. Аккурат из середины спины шпага торчит. Орчук, по глупости своей, за вицмундир сначала переживать начал, это ж сколько рублей на него потрачено! Починить – оно, конечно, можно, но все же

видно будет, как искусно ни выправят.

А когда «полицейский чин» оседать начал, тогда уразумел Мих, что ранен он самым серьезным образом, может, даже смертельно. Секунданты тут же подбежали к нему, оттащили в сторону, один за врачом побежал. Но ничего, орчук при-смотрелся – жив «Высокоблагородие», даже глаза открыл. Взгляд у него одновременно удивленный и испуганный.

Тут же снова чудо. Словно дух от поверженного пошел, как у человека, что исходится, только тут прямо идет, по направлению к Витольду, победу одержавшему. А тот стоит и впитывает, впитывает. Вот оно, значит, что есть *Поглощение!*

Острожевский тупик затих, будто и нет тут никого. Стоят мастеровые, крестьяне, рабочие, купцы, институтки, студенты, чиновники, аристократы и молчат, боясь слово сказать. Магия – она штука особая, не дай Боже, мимоходом кого заденет.

Благолепному совсем похудело. Как слепой стал: руку вперед выставил, опору ищет, да все не найдет. Так и пошел на ногах шатающихся, дороги не разбирая, прямо к толпе. Кто закричал, кто отпрянул, только Мих растерялся. А Витольд совсем плохой уже, еле-еле до орчука дошел – да и упал. Кабы не поймал его Мих, так, чего доброго, и расшибся бы, бедолага.

– Вставайте, Вашблагородие, – пробасил Мих.

А тот и не думает отвечать. Висит кулем, сознание потерявши.

Так и стоят. Орчук думает: положить его на землю – вроде как оскорбление. С другой стороны, держать его, пока в себя не придет? Так дел будто у Миха других нет, чем до ишачьей пасхи тут куковать.

Сомнения его разрешил один из господ, от «Высокоблагородия» отделившийся. Подошел к орчуку, пальцем за собой махнул, три слова только сказав:

– За мной иди.

И Мих послушался. Куда ему против дворянского слова! Поднял на плечо тело бессознательное, схватил поудобнее и пошел за секундантом.

Вышли из Острожевского тупика на Верхнеколоменскую – улицу хоть и неширокую, но оживленную. Махнул аристократ рукой – и подъехала к ним открытая пролетка – не иначе как одна из тех, на какой их «Высокоблагородия» приехали, ибо дальше еще такая же стояла. К тому же не заплатил дворянин извозчику, а лишь наказал везти «этого» и «господина Меркулова» в Малышевский переулок, дом десять.

– А ты, морда зеленая, смотри, чтоб доставил господина Меркулова в цельности и сохранности. Не приведи господь что случится с ним, я весь Моршан переверну, но твою шкуру крокодильную из-под земли достану. – И, уже размявшись, ибо видел полную покорность и податливость орчука, добавил: – Вот, держи, отдашь его домоуправительнице, – сунул в лапищу пятиалтынный, – у которой он комнаты снимает. Пусть приглядит за ним сегодня, возможно, худо ему

будет. Ну, чего стоишь, черт, трогай!

Извозчик хлестнул лошадь, и та, почувствовав за собой троих, один из которых наполовину орк, а значит, тяжелее людского тела, с трудом побежала по мостовой.

Ехал Мих по Моршану. Ветер ему лицо щекотал, узенькие улочки менялись на широкие проспекты, а думы были невеселые. Влип в историю за грош ломаный, как бы худа теперь не вышло. Вот «господину Меркулову» хорошо: лежит себе, забывшись, на коленях у орчука, а ему размышляй, как выпутаться. Еще и пятиалтынный этот проклятый руку жжет.

Сначала хотел свалить тело под дверь, стукнуть пару раз и убежать, да еще больше испужался. А если извозчик остановится и будет глядеть? Или пушай уедет? А ежели кто из окна посмотрит да закричит – дескать, убил орк прохожего да тикает! Зеленокожих не так много в Моршане, большинство в Захожей слободе, Миху найдут в два счета. Тем паче скрыться ему трудно, чай, не блоха на собаке, со всех сторон приметный и видный. Вот, едут они сейчас, а всякий прохожий оглядывается, иные пальцем показывают. Оно и понятно, сказали бы ему снести господина пешком, так квартала б не прошел – городского крикнули. Еще бы, орк человека тащит (и то, что он наполовину зеленокожий, большинству неинтересно).

А так – на пролетке, так еще и извозчик не кричит: «Грабят! Убивают!», значит – что? Распорядился кто. Те орки,

что в Моршане живут у купцов али на заводах, – существа православные, смиренные. Ежели при человеке, груз какой за ним тащат, значит, ничего, пушай живут. В другом случае, когда один ходит да глазами по сторонам зыркает, – тако-го сперва прибуьют, а токмо потом разбираться станут, что и как.

Солнце за горизонтом половину своего масляного бока спрятало, решивши, что будет уже моршанцев мучить. Ночной свежести, что до костей пробирает, не наблюдалось, но духотный воздух уступил место слабой прохладе. Мих вдохнул полной грудью и решил: будь что будет, а дворянский наказ выполнит.

Тут и извозчик вожжи натянул, крикнул: «Ну стой же, кормилица!» Высокие колеса вращаться перестали, и пролетка замерла, вперед накренившись.

– Малышевский переулочок, – заключил возчик.

Мих и сам видел. Доходные дома, коих здесь пребывало в избытке, склонились над орчуком как кот над попавшей на берег рыбехой. Высокие, пятиэтажные, уходящие далеко вглубь, уютившие в своих бесконечных коридорах рабочих, мастеровых и чиновников средней руки, являлись здесь единственной достопримечательностью. Ну, разве еще церковь Симеона Исповедника, что в квартале западнее, в которую Мих, как человек православный, хаживал.

Вот что в истинном, славийском православии орчуку нравилось, так это терпимость и смирение. Всякий мог в храм

прийти: и гоблин, и аховмедец, и диковинный народ айта (последних, конечно, Мих воочию не видел, но много чего презабавного слышал). Каждый «преподобие» тебя выслушает, мудростию поделится, денег не возьмет. На то и святые люди...

С тяжелым сердцем Мих пролетку проводил и направился к самому худому из всех здешних зданий. Остальные высились гигантами, а тот, что с номером «10» (грамоте покойный отец, земля ему пухом, орчука выучил, хоть и тяжело пришлось науку в большую зеленую башку вдавливать), сгорбился покатою крышей, того и гляди посыплется – глазенки-окна на Малышевский стыдливо опустил да дверь разошедшуюся чуть приоткрыл. Мол, заходи, мил человек, не взыщи.

Орчук в парадной оказался, нос брезгливо поморщил от кислого запаха щей, да стоит, не знает куда себя деть. Дом оказался совсем неказистым – внутри еще меньше, чем снаружи.

– Пансионат, – презрительно бросил Мих.

Что сие слово значит, он не помнил. Вычитал из какой-то папенькиной книги, когда тот жив еще был. Орчук любил изредка удивлять людей подобными заковырками, коих у него за пазухой имелось в достатке. Однако сейчас было не время и не место. Пора и с его благородием что-то решать.

Мих подошел к ближайшей двери и тихонько постучал по ней, отчего несчастная чуть не слетела с петель. Впрочем,

как давно для себя заметил орчук, мебель и прочую безделушку деревянную стали делать в последнее время дрянную.

– Ах вы, окаянные! – раздался скрипучий голос.

Дверь отворилась, обнажив в утробе проема небесное создание лет семидесяти в белом чепчике, и тут же попыталась закрыться. Но с Михом такие номера не проходят. Он выставил ногу и вежливо, насколько ему показалось, поинтересовался:

– Благородие куда снести?

Только теперь старушка разглядела, что куль на руках у орчука – и не куль вовсе, а ее давний знакомец, снимающий квартиру на самом верху, мужчина обходительный и вежливый. Хозяйка испуганно ойкнула, но дверь закрыть ей по-прежнему мешала нога зеленокожего незнакомца.

– Приказано его благородие до дому снести. Скажете, куда положить, – я и пойду, – напирал Мих.

Хозяйка, за минуту перебравшая в голове все виды смерти, которые могут с ней произойти, мучительные в особенности, пребывала в состоянии тихой истерики. Но и незнакомец отступить не намеревался. Напротив, в своей требовательности он становился все сердитее.

– Живет где благородие? – рыкнул он.

Справедливости ради, Мих все еще пытался вести себя учтиво, но в глазах одинокой пожилой женщины уже плескалось такое море отчаяния, что пояись здесь сам Государь Император, на хозяйку это не произвело бы ровно никакого

впечатления. Однако короткий вопрос все же возымел действие.

– Наверху. Последняя комната справа.

Зеленая босая ножища наконец убралась с порога, и старушка с удивительной для ее возраста прытью захлопнула дверь. Огромная туша с бездыханным – а скорее всего, уже и убиенным – Витольдом Львовичем направилась наверх, натужно скрипя ступенями.

Мих поднялся на третий этаж и, наученный советом доброй женщины, направился к нужной двери. Шарить по карманам благородия орчук не стал – воспитание не позволило. Он лишь тяжело надавил плечом, и замок, бывший совсем плохеньким, податливо скрипнул и полетел вместе со щепой от косяка на пол.

«Квартиры», о которых обмолвился дворянин, представляли собой две комнатки. Первая – ее Мих окрестил приемной – имела стол в середине, заваленный книгами и картами, старый продавленный диван и два гнутых стула. Вторая – совсем темная, вследствие чего орчук ударился коленом о нечто твердое, – была спальней с пружинистой панцирной кроватью. Туда Витольда орчук и свалил. Походил вокруг, нашел и запалил лучину, после чего вернулся к забывшемуся аристократу.

Орчук потрогал лоб, поцокал языком. Его благородие охватил лихорадочный жар. Бедняга все время намеревался куда-то устремиться, дергал ногами и руками. Пришлось

Миху поприветствовать его. Когда высокородный немного успокоился, орчук осмотрел комнаты тщательнее и обнаружил пузатый чайник с изогнутым носом. Оторвал от своей рубахи кусок холстины, промокнул его, положил на горячий лоб Витольду Львовичу. Приподнял голову и в довершение всего напоил несчастного водой. После этого его благородие забылся окончательно, изредка беспокоимый короткой внезапной судорогой, что проходила так же быстро, как и проявлялась.

Пока Мих суетился, в дверь, что была прикрыта, постучали. Звук вышел негромкий, но очень уверенный. Не «ТУК-ТУК», как костяшками пальцев обычно обозначаются соседи, а «тук-тук-тук», говоривший о самом серьезном намерении пришедшего.

– Не заперто, – сам орчук вышел в переднюю, поднял руки и прижался к стене.

Предчувствие его не обмануло. В дверях стояли околоточный надзиратель с городовым. Низенький даже по сравнению с обычными людьми чиновник держал в руках самый настоящий револьвер. У его помощника тоже кобура была, однако гулял там один ветер. Про то каждый мальчишка знает, что низшим полицейским чинам вроде как и положено огнестрельное оружие, но возможностей всех снарядить у власти пока нет. Так и ходят с одними шашками.

Миху повезло: околоточный оказался хоть и сердитым стариком, но все же с разумением. Пистолета с зеленого здо-

ровяка он не свел, но рассказ о дуэли выслушал. Более того, сам в спальню прошел, пощупал пульс и послушал дыхание его благородия. Орчук все это время перед городовым стоял ни жив ни мертв. А как иначе, эти обучены враз шашку из ножен доставать, почти все из отставных солдат и унтер-офицеров. Дуру включи да дернись – тут тебе конец и придет.

Как раз, когда самый страх пошел, Миху в голову мысли опять глупые полезли. Вот убьет его сейчас городской – как есть мундир испачкает. Аж жалко. Черный, ладно пригнанный, не иначе на заказ сшитый. Вон у него какой рост – почти три аршина, выше самого орчука.

– А это не ты ли, часом, Терентия, присяжного поверенного, сын? – вернулся околоточный.

– Истинно так, Ваше благородие, – отозвался Мих.

– Хороший был человек. Значит, звать тебя Михайло. Слышал я о тебе, слышал, да не думал, что встречу. Вы же с отцом где-то на Старых Вешках жили?

– Да, у папеньки там контора была. Сейчас я на Никольской обитаю.

– Эх тебя занесло, – крикнул околоточный. – А я Артемий Кузьмич. Твой отец в свое время моего брата... Ну да ладно, – он собрался, сдержал нахлынувшие чувства и продолжил с некоторой суровостью: – Раз уж взялся за его благородием смотреть, остаешься с ним. Утром я зайду справиться. Это ж надо чего учинить, дуэль до Поглощения! Скандал

будет, скандал.

– Но я...

– И не спорь, Михайло, не спорь. Только в память об отце тебя в участок не забираю. Замечательный был человек, тебя вот вырастил.

Околоточный, не слушая возражения, махнул городовому и уже из парадной крикнул:

– Зайду утром!

Мих уселся на стул и сложил могучие руки на скатерть. Что ж, действительно, как говаривал его отец, утро вечера мудренее.

Глава 2, где Мих становится ярыжкой, а Витольд Львович – и того больше

Утро не принесло ни мудрости, ни облегчения. Напротив, началось с крика, что возвестило как минимум об убийстве или намерении оного.

Хозяйка, за семь часов вовсе не сомкнувшая глаз, затаилась в парадной у затворенной двери с разбитым замком. Она несколько раз посылала ночью за околоточным, но вскоре явился Тишка-городовой, которого она с детства знала, и сказал, дескать, если она, ведьма старая, не отстанет от его благородия, то он ее за седые волосья оттаскает да в околоток заберет.

А ей, бедной душе, все казалось, что ходит вокруг кого-то. В окна заглядывают, будто даже внутрь сунулись, но она себя обозначила. Выругалась со страху, как обычно только чертей бранным словом поминают, да поближе прижала лопату, бог весть каким образом у нее подле двери оказавшуюся.

Так и вздрагивала от каждого шороха, несчастная. А утром, как только половицы заскрипели да рожка зеленая вышла прочь, взметнулась наверх, позабыв про преклонные года. Думала, загубил, проклятуший, Витольда Львовича. По правде сказать, даже немного надеялась, чтобы потом около-

точному вместе с Тишкой под нос пальцем ткнуть да изречь: «Я же говорила». Но разочаровалась, а одновременно с тем успокоилась – хоть и бледный, обессиленный, но Меркулов все же еле слышно дышал. Хорошо, к себе успела зайти, как крокодил обратно воротился. Нос хозяйки уловил приятный дух каши, и она справедливо решила, что образина намерилась отравить ее постояльца. Прокралась к самой двери, заглянула в щелку, что после поломки замка образовалась. Только стала наблюдать, как раздался крик.

Опираясь плечом о стену, Меркулов стоял в ближней к выходу комнате и, пошатываясь, прикрывал рукой рот. Его лицо выражало крайнюю степень смущения от своего испуга, вырвавшегося наружу. Зеленокожий возвышался перед ним, покорнейше опустив голову.

– Кто вы? – спросил Меркулов.

Его голос, удивительно звонкий, как у мальчишки, разорвал тишину, окутавшую комнату после вскрика.

– Михайло Бурдюков, Ваше благородие. Но все кличут Михом.

– Орчук? – заинтересованно то ли спросил, то ли вслух подумал Витольд Львович.

– Истинно так, Ваше благородие, – обрадовался зеленокожий. – Обычно не все разницу видят. Говорят, зеленый – значитца, орк и есть.

– Ну какой же орк... Клыков у тебя выступающих нет, комплекция, опять же... Михайло, простите великодушно,

но как вы здесь оказались?

– Так его Высокоблагородие наказал вас до дому снести. А потом вы так забылись тревожно, я и остался. Думаю, не приведи господь что произойдет.

– Его Высокоблагородие?

– Секундант, – удовлетворенно кивнул Мих.

Лицо собеседника преобразилось. Казалось, за одно мгновение, пролетевшее со стремительной скоростью пьяного извозчика, он все осознал и вспомнил. Настороженно поднес руку к окну, нервно сглотнул и стал смотреть на нее. Диковинка заключалась в том, что чем больше Меркулов глядел на конечность, тем прозрачнее она становилась. А когда во все исчезла, Мих перекрестился и стал что-то невнятно бурчать себе под нос. Видимо, молитвы помогли, ибо рука вернулась на место.

– А что это за запах? – вдруг повел носом его благородие.

– Каша из полбы, – радостно ответил орчук, ладонью размером с большой кузнечный молот пододвигая котелок вперед. – Да попробуйте, Ваше благородие, не сомневайтесь. Очень вкусно.

Хозяйка хотела было в этот момент вскрикнуть, кинуться внутрь да сбросить окаянный котелок на пол, однако ж внизу слышались шаги. Тяжелые, грузные, добра не предвещающие. Насилу успела бедная женщина поддеть ключом замок ближней к лестнице двери да вжаться внутрь. Благо, тут недавно студент повесился и ныне никто не жил. Нет, ко-

нечно, что бедняга руки на себя наложил – это плохо, но что более важно – самым скорбным образом сказалось на благосостоянии несчастной женщины. Мерзавец задолжал оплату за полтора месяца. Хотя о мертвых либо хорошо, либо ничего...

Однако именно в этот самый момент хозяйка поблагодарила Господа и Матерь-Заступницу, что апартаменты (говоря про свои комнаты, она предпочитала обозначать их именно так, а не иначе) пустовали. Ибо в другом случае почтеннейшая владелица меблированных комнат рисковала столкнуться нос к носу с не менее уважаемым околоточным Артемием Кузьмичом, за которым шествовал треклятый Тишка. И они двинулись в направлении обиталища Витольда Львовича.

Не сказать чтобы хозяйка боялась полицейских чинов, особенно Артемия Кузьмича. Напротив, последний третьего дня кушал у нее сладкую настойку на бруснике, обещая «всенепременнейше» и «решительным образом». Однако ж, когда появилась нужда – нате-ка. Тишку с цепи спустил да еще в околоток пригрозил доставить. Нет уж, извольте, подобной милости и дружбы более не требуется.

Старушка ожидала криков, даже стрельбы (Матерь-заступница, всю побелку ведь собыют, аспиды!), однако, вопреки всему, со стороны соседних «апартаментов» донесся еле различимый бубнеж. Удивительное дело – разговаривают. Сейчас бы брать под руки орка, пистолетом мерзавца подго-

няя, да в околоток. А еще лучше – в острог, чтобы неповадно было женщин пугать до смерти.

Додумать не успела – снова шаги. Только теперь торопливые. На бегу незнакомец через несколько ступенек перепрыгивал. Поднялся – и юрк в знакомую комнату. Хозяйка даже возмутилась. У нее тут не проходной двор, а сурьезное заведение, и бегать, подобно козлам на майском солнышке, она не позволит. Так она все подумала. Вслух ничего не сказала, лишь к стенке плотнее ухом прижалась.

Перегородки тут совсем дрянные были. Порой внизу у выхода слышно, что в дальней комнате под чердаком происходит. Но пришедший говорил тихо-тихо. Насилу смогла разобрать лишь пару слов: «ожидают-с» и «обер-полицмейстер».

Схватила старушка за голову. Все, пропал Витольд Львович! Через орку эту проклятую пропал. Что же теперь будет? Опять постояльца надо искать. Да что же такое происходит?

Пока сокрушалась почтеннейшая, вся процессия вышла из комнаты, спустилась по лестнице и выбралась наружу. Хозяйка опомнилась, выскочила следом, да поздно. Лишь удаляющиеся спины увидела.

Солнце набрало уже полную силу, и теперь со всей яростью сошедшего с ума светила пекло двух нечаянных, но одновременно с этим прелюбопытнейших спутников, шествующих подле друг друга. Впереди них на значительном рас-

стоянии, будто не желая быть причастным к этой паре, торопился мелкий полицейский чин.

Один из попутчиков был весьма раздосадован, что, впрочем, на его широком мясистом зеленом лице отражалось слабо. Сокрушался Мих о каше, которую его благородие лишь едва успел попробовать, прежде чем к ним ввалился околоточный.

Лицо второго спутника было серо, губы плотно сжаты, а глаза выражали ту степень отчаяния, которая бывает у проигравшихся в пух и прах подпоручиков, ранее взявших в долг более ста рублей. Видел свое будущее Витольд Львович вовсе не в радужном свете. Суток не прошло со времени дуэли, а про нее уже прознал обер-полицмейстер, вследствие чего вызвал к себе.

На то, что его не арестовали, а следовательно, все могло обойтись, Витольд Львович особых надежд не питал. Меркулов был хоть и захудалой ветви, почти оборванной, но все же дворянской. Поэтому и «попросили» его должным образом. Попробуй он рвануть к вокзалу, тут к нему сразу отношение бы и поменялось. Убегать Витольд Львович не намеревался, да и пустое это все – за ними в любом случае филер какой приставлен. Дело и вправду выходило громкое.

Случилась ссора, как обычно это бывает, из-за глупости. По бедности своей Меркулов путешествовал с работы домой исключительно пешим ходом, оправдывая этот факт дополнительной физической подвижностью, так необходимой для

организма. И на углу у Поварской улицы Витольд Львович чуть не был сбит пролетающим мимо фаэтоном. Страшно подумать, что бы случилось, если бы не его определенные особенности...

Следом из фаэтона высыпали нетрезвые господа, во главе которых и выделился усатый молодчик. Он накинулся на Меркулова чуть ли не с кулаками, грозно рявкнул, дескать, «всякая шваль вовсе не смотрит, куда идет, так и норовит под копытами оказаться». На это Витольд Львович, несколько смутившийся, все же ответил, что он лично хоть и лишен дворянского звания, но его род довольно древний и уходит корнями к самому Ковчегу. Самое интересное, что эти слова сначала развеселили усатого, а потом, напротив, разозлили. Слово за слово, и кончилось тем, что кто-то крикнул о дуэли: «Раз два высокородных не могут решить дело миром!..» Другой подхватил. В хмельном угаре компания веселилась и насмеялась над Меркуловым, но не таков был Витольд Львович, чтобы пойти на попятную. Вызов он принял, а что стало потом – уже общеизвестно.

Но за каждый выбор рано или поздно приходится платить. Господину Меркулову, всю свою жизнь рассчитывающемуся за дела отца, было не привыкать. Однако на душе скребли кошки. Только ему показалось, что можно начать все с чистого листа, как попал он словно кур в ошип.

Околоточный, едва услышав имя глубокоуважаемого обер-полицеймейстера, ретировался со скоростью, коей поза-

видовали бы многие жеребцы главного Моршанского ипподрома. Оно и понятно: тут дело такой важности, что при рубке полетят не только щепки, а возможно, и чины.

Единственно, жалко было Меркулову Миха, оказавшегося в лишнем месте в плевельное время. И отвертеться теперь у него не получится, ибо посыльный так и сказал: «Явиться вместе с орчуком».

– Ваше благородие, вы не будоражьтесь, авось, и обойдется, – Мих заметил волнения собеседника, написанные на лице.

– Не обойдется, Михайло. Такое зря не проходит.

– Вы не стесняйтесь, меня полным именем давно не кличут. Мих и есть Мих. А по поводу расстроенности я вам так скажу: у Бога на каждого свой план есть.

– И на тебя тоже?

– Конечно, Ваше благородие.

– И какой?

– А вот про то я пока не знаю. Я ж человек, то есть орчук, темный. Бог даст, пойму со временем.

Они помолчали совсем недолгое время, меряя шагами мостовую: орчук неторопливо и размашисто, точно шел по удобному и веселому для себя делу, а Меркулов собранно и пружинисто, как заводная гоблинарская кукла.

– Так ты, Мих, значит, православный? – спросил вскорости Витольд Львович.

– Знамо дело, Ваше благородие. Как и папенька был.

– Так у тебя отец... – Меркулов слегка поколебался, но все же закончил: – ...человек?

– Истинно так, – кивнул орчук, ничуть на вопрос и паузу не обидевшийся. – Папенька мою мать очень любил, первые года, когда я махонький был, даже по Орколии вместе с кочевниками скитались.

– А что потом?

– Расстались они. Я с папенькой уехал, ведь не чистокровный орк. У их женщин главное что: чтобы сын сильным воином был, а я – эвона какой хлюпик. Мать замуж второй раз вышла – за орка, знамо дело...

Меркулов с сомнением оглядел мускулистые руки, которые под свободной рубахой ходили буграми. Таких даже у цирковых борцов не встретишь, орчья кровь и есть орчья кровь. Однако заинтересовало его одно обстоятельство: про зеленокожих кочевников Мих говорил «они», соответственно, «мы» для него были люди. Прелюбопытный факт, весьма прелюбопытный.

– А занимаешься ты чем?

– Разным, Ваше благородие. Иной раз перенести что попросят, другой – в конюшне убраться. Я никакой работы не чурюсь... – Мих замолчал, но все же посчитал нужным добавить: – Вы не подумайте, я и грамоте обучен. Писать, читать, считать. Все папенька втолковал.

Меркулов не без удивления посмотрел на орчука, но ничего не ответил. Время разговоров прошло, ибо они достиг-

ли конечной цели, оказавшись в середине Столешникова переулка. Казенный четырехэтажный дом, покрашенный в самый паршивый серый цвет, какой только можно было придумать, смотрел на них маленькими подслеповатыми окнами. Случайные прохожие не обращали на здание ровно никакого внимания, не подозревая, какая драма разыгрывается прямо перед ним в душе молодого человека.

– Прошу-с за мной, – сказал сопровождающий.

Коридоры, сменяющие друг друга, стали мелькать в глазах с такой скоростью, с какой бегают спицы в колесе при движении коляски. Встретилось Меркулову несколько пожарных во главе с брандмейстером, несколько самых обычных арестантов – угрюмых, злых мужиков – и полицейских без числа. Они поднялись на второй этаж, где Витольд Львович лишь краем глаза заметил общую канцелярию, и взобрались еще дальше – на третий.

Путники вновь пересекли коридор, прошествовали через помещение для просителей, где сидели семь человек самой разной наружности, и оказались в приемной. Сопровождающий доложил и поспешил удалиться с такой скоростью, будто здесь болели чумой, а о пришедших тем временем уже докладывали «самому».

– Пусть заходит! – услышал Меркулов зычный голос, от которого кровь в жилах заледенела и отказалась течь дальше.

– Ваше превосходительство, а орчук?

– В приемной обождет.

Витольд Львович выдохнул и вошел.

Обер-полицмейстер Александр Александрович Муханов был тучен ровно настолько, насколько должен быть грузен и корпулентен человек его чина. Давно известно, что худой человек, да еще, скажем, четвертого класса вызывает искреннее недоумение. Доверия к таким отказывающимся от прелестей и удовольствий жизни нет никакого. Поэтому все чиновники от статских и выше да военные, с бригадира начиная, всегда отличаются сочностью и плодородием.

Лицом Александр Александрович оказался самой приятной наружности: простая сундырская, как бы сказали в народе, физиономия, пышные баки, которые он носил по старой моде, и гладко, до синевы выбритый подбородок. Только взгляд очень уж грозный, заранее карающий и никаких оправданий знать не желающий.

Меркулов с замиранием сердца обратил внимание на «Моршанские ведомости», раскрытые на четвертой странице. Хоть заголовок и был перевернут, но он смог разобрать выделенное жирным слово «Дуэль». Это что же такого важного должно было произойти, чтобы поединок до Поглощения отодвинули так далеко?

– Явился, голубчик, – вместо приветствия бросил Муханов, облокотившись кулаками о стол. Его черный мундир при этом незамысловатом движении напрягся и даже попытался затрещать, но все же ему удалось удержать внушительное тело внутри себя.

Меркулов заворуженно поглядел на погоны из серебряного галуна с оранжевым просмотром и кивнул.

– Говорили мне, говорили, что от Меркуловых добра не жди. Ко мне же перед приездом Вашим из шестого отделения приходили. Предупреждали. А я, доверчивая душа... – Муханов махнул рукой, словно они договорились о чем-то прежде с Витольдом Львовичем и тот его значительно подвел. Обер-полицмейстер достал папку из стола, развязал тесемки, раскрыл ее и сел. – Меркулов Витольд Львович, двадцати шести лет от роду. В возрасте восьми лет выслан вместе с отцом из столицы за измену последнего. Год назад волею Его Императорского Величества помилован. Три месяца назад вернулся в Моршан.

Муханов листал страницы, мелко и убористо исписанные, не читая, а пересказывая содержимое Меркулову. Обер-полицмейстер не сводил внимательного взгляда с молодого человека, явно ожидая увидеть его реакцию на произносимое, но Витольд Львович еще минуту назад посерел и более в лице не менялся.

– Плохо начинаете. Очень плохо. Государь Император вас простил за грехи батюшки, в Моршан позволил вернуться, статский чин вам дарствовал, причем не последний. А вы, господин коллежский секретарь, эдакую свинью подложили. Вы хоть знаете, кого вы в Острожевском тупике проткнули?

– Дашкова Михаила Николаевича, Ваше превосходительство, – дрожащим голосом отвечивал Меркулов.

– А кто был Дашков Михаил Николаевич? Ну, полно, полно, не был, а есть. Жив он, утром справлялся. Укол серьезный, но выкарабкается. Вот только тут главная незадача... Михаил Николаевич был у меня приставом следственных дел по особым поручениям. Его, может, Бог в темечко не поцеловал, но человеком он являлся исполнительным. Опять же, дворянского рода, который к Ковчегу восходит. Соответственно, с особенностями. А вы, голубчик, раз – и дуэль на Поглощение.

Обер-полицмейстер пожевал свои толстые губы и изучающе посмотрел на собеседника. Но Меркулов молчал, а лицо его выражало самый виноватый вид, на какой только могло быть способно.

– И что, молодой человек, сработало?

– Что сработало, Ваше превосходительство?

– Ну... Поглощение.

Вместо ответа Витольд Львович выставил руку перед собой, нервно сглотнул подкативший к горлу ком и внимательно посмотрел на конечность. Вена на его виске вспухла, а по носу потекла капля пота. Но влияние свое действие возымело. Сначала пальцы, потом уже и сама рука вместе с мундиром растаяли в воздухе.

– Ох, святые угодники... – заключил Муханов.

Он подождал, пока рука появится снова, достал платок с вензелями и оттер шею.

– Я сам из простой дворянской семьи. Из молодой совсем.

Дослужился, вон оно, до генерал-майора, но к магии до сих пор настороженно отношусь. У меня под началом из истинных семей-то и людей немного, которые, ну, это... – он сделал в воздухе несколько пассов. – Гоблинарцы вон вовсе без магии обходятся, и ничего: паровозы строят, каких в Славии и не видали, пароходы. Ну да ладно...

Лирическое настроение Муханова прошло так же быстро, как исчезла и появилась рука молодого человека. Он прочистил горло, побарабанил пальцами по газете и посмотрел в окно.

– Мне нужен такой человек... по особым поручениям, каков был Дашков. С определенными способностями, – сказал он будто бы сам себе. – Правда, он по чину выше был, но это ничего, до титулярного советника вытяну... Отчитываться ни перед кем не будете, только передо мной. С жалованием не обижу. – Он резко повернул голову и посмотрел на Меркулова. – Ну, что скажете, Витольд Львович?

– Простите, я, право, не понимаю...

– Мне нужен пристав следственных дел по особым поручениям... Для особо щекотливых ситуаций. Судя по всему, – он хлопнул ладонью по раскрытой папке, – человек вы неглупый, сметливый. С Вашей биографией выше титулярного на обычной службе подняться будет трудно. У меня можно и до надворного советника вырасти, дворянство вернуть.

– Я не к этому... Я просто слегка растерян.

– Ну так это пустое. Не время уши развешивать, когда

неспокойно вокруг. Так это «да»?

– Да, Ваше превосходительство.

– Ну и славно. Кабинет тебе подготовят, хотя, между нами, работа не сидячая, свою... хм... новую магию частенько придется применять. Смекаешь, о чем я, Витольд Львович? Я, с твоего позволения, на «ты», коли уж ты теперь у меня в подчинении.

Меркулов кивнул, отвечая на вопрос и одновременно соглашаясь с новыми правилами игры. Ему хотелось сорваться с места и бегом пуститься на улицу, радостно крича и обнимая прохожих. Наказание, которого он так боялся, обернулось карьерным взлетом. И пусть прочие дворяне гнушались работы в полицмейстерстве (оставалось загадкой, по какой причине сюда прибился Михаил Николаевич, поверженный на дуэли), Витольд Львович подобному обстоятельству исключительно обрадовался. Служить Государю Императору, развеять дурную славу о фамилии, делать Моршан и всю Слaviю чище, справляясь с преступниками. Что может быть лучше?

– Ваше превосходительство, а что с Михом?

– С кем? – искренне удивился Муханов.

– Михайло Бурдюков, орчук.

– А... – брови обер-полицмейстера сдвинулись. – По-хорошему, надо б его в острог, чтобы не болтал чего лишнего, так не за что. Вышлю, думаю, из Моршана. Да, вышлю, – кивнул он сам себе.

– Ваше превосходительство, столько хлопот будет. И ему, и вам.

– Не понимаю, куда клонишь, Витольд Львович, но ты ежели чего предложить хочешь, то предлагай. Я к инициативам всяким отношусь с интересом. Порой бывает, действительно что дельное предлагают.

– Ваше превосходительство, вы поправьте меня, если ошибаюсь. Но титулярному советнику по должности требуется подчиненный. Для разных нужд.

– Ну, за этим не беспокойся, письмоводителя я тебе выделю.

– Так и не нужно. Мих грамоте обучен, писать умеет. Слишком много беспокойства будет, если его отсылать. А так – и при деле, и под присмотром.

– Орчук в полицмейстерстве? – изумился Муханов. Поднял голову на портрет Государя Императора, а потом громко расхохотался. – А ведь это будет презабавно. Орчук и сын ссыльного. Уж прости, Витольд Львович, но весьма презабавно. Будь по-твоему. Станет Мих ярыжкой при тебе, точнее уж, коллежским регистратором, – новая идея поистине веселила обер-полицмейстера. – Как его там?

– Михайло Бурдюков.

Муханов заскрипел пером, что-то себе записывая.

– Ну а теперь надобно о делах поговорить. Есть одно щекотливое поручение. Не сказать чтобы государственной важности, но и так его оставлять нельзя. Слушай, Витольд Льво-

вич. Ты, верно, знаешь, что аховмедцы с дрежинцами, а через них и с нами, объявили перемирие. Делегации прибыли с первыми лицами... Ну и такой карамболь произошел: по пьяной лавочке одного из аховмедцев зарезали. Хорошо хоть прислужника какого-то, а не принца, но и то легче не становится. Надобно разобраться со всем, очень как бы это...

– Тактично, – подсказал Меркулов.

– Вот именно, Витольд Львович, тактично. Я уж сомневаюсь, что там что-то серьезное. Поди, мужик какой дворовый увидел козлоногого и прирезал. Но ты разберись. И магии не гнушайся, пользуйся. Твоего предшественника она часто выручала. Самому этим заниматься несподручно, да и некогда – тут вишь что... – Он сложил газету и хлопнул ладонью по главной странице.

– А где расположилась аховмедская делегация? – Меркулов тщетно пытался разглядеть первую полосу вверх ногами.

– Так где же им быть. В Захожей слободе. Адрес Константин Никифорович выдаст.

– Тогда разрешите откланяться, Ваше превосходительство!

– Экая вы, молодежь, быстрая пошла. Это что ж, Витольд Львович, вы изволите к первым лицам аховмедского королевства в таком виде явиться?

Обер-полицмейстер придирчиво оглядел потертости на мундире своего подчиненного и покачал головой, явно не одобряя общую заскорузлость одежды. Меркулов в этот са-

мый момент было готов провалиться сквозь землю, прямоком до первого этажа, где аккурат в этом самом месте находилась арестанская.

– Ты, Витольд Львович, давай горячку не пори. Съезди к нашему портному. Обшлагов из золотой нити и узорные воротники не гарантирую, но на человека станешь похож. И, это... Константин Никифорович!

Дверь открылась, будто покорнейший помощник только и ждал окрика своего начальника. На пороге появилась высокая фигура третьего полицмейстера города. Еще недавно Константин Никифорович был рядовым исправником в обычном захолустье, но лично Александр Александрович, будучи проездом, его заметил, да и перевел в столицу. Положительных качеств у полицмейстера была масса. Самое главное, помимо исполнительности и почти собачьей преданности, Константин Никифорович не пил.

– Голубчик, приказ надобно составить на титулярного советника Меркулова Витольда Львовича. Назначением в приставы следственных дел по особым поручениям... как там дальше?

– Сысского управления при Моршанском обер-полицмейстерстве, – подсказал полицмейстер.

– Именно. Хотя... не приставом, а исполняющим обязанности пристава. Все-таки надобен хоть какой-то испытательный срок, – Муханов постучал по газете пальцем. – И орчука его...

– Михайло Бурдюкова, – настала пора подсказывать и Меркулову.

– Именно, – вновь согласился обер-полицмейстер, – его личным помощником по четырнадцатому чину. И проследи, чтобы и на Витольда Львовича, и на Михайла этого одежду хорошую справили. Чтобы понятно было, к какому они ведомству приставлены.

– Будет исполнено, Ваше превосходительство.

– Вот и ладно. А ты, Витольд Львович, что узнаешь – сразу ко мне. И привыкай, у тебя должность особенная, могу и среди ночи с мягких перин выдернуть.

– Не приучен к мягким перинам, Ваше превосходительство, – повеселел к концу разговора Меркулов. Он тут же спохватился, взял себя в руки и закончил: – Чуть что, прибуду в самый краткий срок.

– Ну вот, вроде и договорились. Еще одно, Витольд Львович: ты хоть и у меня в подчинении, однако ж полную защиту я тебе дать не могу. А у тебя теперь недоброхотов вдоволь будет. Семья Дашковых достаточно влиятельна, любому кровь попортить смогут. Поэтому старайся лишний раз особо не выпячиваться. Понимаешь, о чем я?

Меркулов торопливо кивнул.

– Ну вот и ладно. Константин Никифорович, проводи молодого человека, а потом возвращайся. Еще об ограблении потолковать надо.

Полицмейстер кивнул и отошел от двери, приглашая Мер-

кулова пройти первым. Витольд Львович, довольный как дворник, получивший на чай полугривенник, вместо вполне справедливого наказания обретший неожиданный презент, шагнул вперед, в новую жизнь.

Глава 3, где Мих едет в Захожую слободу и видит много диковинного люду

Мих повернулся на пятках, пузо втянул и опять не смог скрыть своей радостной улыбки. Вот ведь как бывает: вчера был он Мих – орчук с Никольской, а теперь вон оно что: «Ваше благородие, Михайло Терентьич». Скажешь кому – не поверят, однако ж правда. И мундир ему выдали, подумать только, самый настоящий мундир! Даром что ношенный, с какого-то большого обрюзглого человека – на животе мешком висит, даже ремень не особо помогает, в плечах узок до неприличия, руку повернуть тесно, да все ж мундир. Обувки, правда, не нашлось – сказал портной, что такого размеру у них сроду ни сапогов, ни штиблетов не было. А Витольд Львович, широкая душа, из выделенного ему полицмейстером авансу заказал. Не иначе как на следующей неделе обзаведется Мих и обувкой. Эх, подумать только!

Сначала все опасался. Думал, насмехаются над ним господа, юродствуют. В своей жизни орчук ко многому привык, потому и не злобствовал особо. Это у людей особенность такая – очень они не любят тех, кто непохож на них. Что славийцы и дрежинцы православные, что католической ветви транкльванийцы. Да и как тут поверишь, что всерьез гово-

рят? Коллежский регистратор – хоть и самая что ни на есть низкая ступенька, однако ж классный чин. На него первого встречного-поперечного не берут. Нужно заведение учебное заканчивать или, на худой конец, экзамен в программе уездного училища сдавать. А Миха раз – и без всяких предисловий взяли. А это, на минуточку, первый орчук на государственной службе.

– Михайло, ну, будет любоваться! – окрикнул его Меркулов.

Орчук нехотя отвел взгляд от залитой солнцем стеклянной витрины с надписью «Императист. Товарищество А. Ралле и К^о» и обернулся на новоиспеченного титулярного советника. Витольд Львович тоже преобразился. Только, в отличие от Миха, на господине двубортный мундир сидел как влитой, будто и дожидался все это время достойного хозяина. Не портила Меркулова даже легкая сутулость, скорее придавала ему некую загадочность. Мих упрасивал Его благородие купить трость, с какой господа устраивали променады по вечерним улицам Моршана, или пенсне для пущей убедительности, на что титулярный советник отвечал только одно слово: «Лишнее».

Витольд Львович тем временем уже договорился с извозчиком. Тот несколько недовольно поглядывал на Миха, явно раздумывая о тяжести последнего и надежности рессор своей пролетки, но отказать уже не мог. Новая одежда и чин придали Меркулову ту твердость, которая находится аккурат

между самоуверенностью и чиновничьей наглостью.

– Мих, ехать надо, – сурово повторил Витольд Львович, хлопнув себя по бедру свернутой газетой.

Орчук заторопился. Подбежал к экипажу, рьяно взобрался и уселся аж на полтора места.

Меркулов чуть подвинулся – благо, комплекции он был невнушительной – и раскрыл газету. Извозчик чересчур ретиво хлестнул лошадей, сам на себя раздосадованный за неприятных попутчиков, от которых не смог отказаться, и покатил вперед.

– Эх, день-то чудесный какой! – не смог сдержаться Мих. Даже тесный на груди мундир не удерживал распирающего изнутри чувства.

Витольд Львович глянул на него поверх газеты, призадумался, пожал плечами и вернулся к чтению. Мих покряхтел, посмотрел какое-то время на проносившиеся мимо улицы, а потом искоса стал поглядывать, чем так заинтересовался Его благородие.

«Преступление века! Ограблен Первый императорский музей».

Мих так удивился и вместе тем заинтересовался, что против своей воли придвинулся к Витольду Львовичу, чуть ли не выталкивая его из пролетки.

– Михайло! – недовольно встрепенулся Меркулов, ухватившись в последний момент за орчука.

– Прошу прощения, Ваше благородие. Эх я неловок сего-

дня.

– Ничего, – титулярный советник сложил газету пополам, – и вообще, давай уже на «ты». Можешь называть меня просто по имени, Витольд.

– Как так можно, Ваше благородие?

– Вот заладил, «Ваше благородие, Ваше благородие». Ты пойми, для работы так неудобно.

– И пушай неудобно. Просто странно будет, ежели орчук будет девятому классу тыкать. Не поймут люди. Ежели вам удобно, могу звать господин, вроде как я же к вам лично приставлен.

– Ну хоть так, – согласился Меркулов.

– Ваше бла... господин, а что там про ограбление?

– Ничего особенного, – ответил Витольд Львович, но его задумчивый взгляд говорил ровно об обратном.

Мих допытываться не стал: не хочет говорить, так зачем клещами из него тянуть? Надумает, так скажет. Но все же газетку решил попозже достать и прочитать. Он же теперь по полицейскому ведомству проходит, надо соответствовать.

Пролетка меж тем вкатилась в Захожую слободу и с кряхтением и скрипом пошла вдоль по набережной. Улицы здешние Мих плохо знал, ибо бывал здесь редко по причине засила орков. Да и не сказать, чтобы сородичей набивалось битком. Однако тут и одного бы хватило. Не любили орки полукровок, а уж если ты христианскую веру принял да от Орды отрекся...

Вот и теперь опасливо смотрел Мих на редкие широкие юрты, стоящие обособленно: вдруг кто полог откинет да выйдет. Зыркнет злобно, щелкнет ногтем по клыку (это, значит, кочевники так презрение свое выказывают) да рыкнет. Всю веселость и воодушевленность точно ветром сдуло. Но обошлось. Не выбрался никто наружу, не обронил бранного слова, не заметил путников.

А когда в Толмачевский переулок свернули, орчук и во все выдохнул. Тут пошли уже дома: эльфийские, найские, катайские, аховмедские, генерийские, транкльванийские и прочие. Дрежинцы, как православные и народ близкий к славийцам, в правах ограничены не были и могли селиться где захотят.

– Как гоблинарцев много, – тихо заметил Мих.

И то было правдой. Невысокие – самый большой доставал до плеч обычному человеку, – тоже зеленые, но не болотного цвета, как орки, а скорее изумрудные, с большими носами и здоровенными ушами. Свой самый главный недостаток – неспособность и невозможность использовать магию – гоблинарцы компенсировали удивительной изобретательностью. Один взрывчатку придумал чудовищной силы. Главное, шнур запалить да укрыться – такой тарарам будет. Другой вообразил молоко кипятить, после чего оно не портилось дольше (а ведь и вправду дольше – Мих об прочитанном бабке Клавдии рассказал, охотнице до всякого веселья, она и прокипятила. Вкус стал дрянной, орчуку не понрави-

лось, но с чаем ежели пить или кашу варить – ничего). Третий выдумал, что и орки, и гоблинаруцы, и люди произошли от одного предка – дикого существа. И в процессе «эволюции» (Мих слово на удивление легко запомнил, от «ЭВона, люди, что делается») каждый стал похож на себя и каждый отличия заимел. Но вместе с тем, все мы часть единого целого, оттого и полукровки существуют. Церковь, знамо дело, объявила гоблинаруца еретиком, а Мих для себя заключил, что жителей туманного острова хлебом не корми, дай какую-нибудь выдумку сделать.

– Много, – согласился Витольд Львович. – Недавнее окончание войны дает большой простор для торговли, а жители Велигоблинаруии не только хорошие инженеры, но и неплохие купцы. До эльфов им, конечно, далеко, но все же...

– Эльфийцам – да, палец в рот не клади, дьявольское отродье, – подтвердил орчук. – Главное, как что получается, ума не приложу.

– Психология, – важно проговорил Витольд Львович.

– Это еще что за зверь? – удивился Мих.

– Наука такая, эльфийцами придуманная. Вот смотри, у них же много лавок в Моршане, и ты всяко к ним заходил?

– Заходил, – орчук опустил голову, явно переживая не самые лучшие воспоминания.

– И что они делают сразу?

– Голову морочат. «Посмотри, какой сильный, какой большой. Такому большому нужен самый лучший плащ», – пе-

редразнил эльфийца Мих.

– Правильно. Они делают сначала комплимент, тем самым снижая уровень твоего критического мышления, – поднял палец Меркулов. – Дальше...

– Плащ этот чертов в руки всучил.

– Именно, – загнул второй палец титулярный советник, – теперь ты почувствовал себя хозяином вещи. И наконец...

– Второй выбежал, стал первого ругать. Мол, этот плащ отложил себе такой-то господин, нельзя его продавать.

– И теперь ты боишься потерять вещь, – загнул третий палец Витольд Львович. – Каков итог?

– Купил я этот треклятый плащ. Дрянь, а не материал. И нужен он мне был как собаке пятая нога. Продал потом совсем за копейки.

– Да, эльфийцы – торговцы от бога, – согласился Меркулов.

Они как раз проезжали мимо одного типичного представителя этого ленивого, но очень гордого и обидчивого народа. Толстый, как приземистая трактирная бочка, эльфиец сидел вразвалку на большущем мешке, раскинув в разные стороны ноги и почесывая короткое заостренное ухо. Его большие васильковые глаза говорили о честной и чистой душе, а колючая щетина и по-бандитски засунутая меж зубов спичка убеждали в обратном.

Прошло несколько транкльванийцев, высоких и худых. Внешне от славийцев не отличишь, разве что волос более

темный да сами они все прямые, от осанки до носов и скул. Воевать с ними толком давно уже не воевали, а кабы не католичество, так и вовсе вместе с православными против кого-нибудь замирились. Следом пара генерийцев прошла. По Миху, так люди как люди, только в одеждах пестрых. Подобные в Моршане на рынках часто встречаются, очень любят мальчонки их обирать.

Вот катайцы сидят полукругом. Шаровары такие широкие, что в каждую штанину можно по выводу взрослых кур спрятать. Лицом смуглы и загорелы, глаза хищны, у каждого на боку ятаган. Слышал о них орчук, этих кто обидит – нарочно или по недоразумению, – все равно головы не сносить. Сначала клинком машут, потом разбираются. И казнили бесчинцев за смертоубийства, и ссылали, только проку мало. Кровь у них горячая – что у катайцев, что у найцев (признаться, Мих в этих «халифатах»-«каганатах» не шибко разбирался, да и загорелых друг от друга не отличал).

Орчук иной раз все силился считать, чьих народов больше – человеческих или прочих. И каждый раз выходило по-разному. Помимо Дрежинии и Транкльваниии на западе, до гоблинарцев, было несколько мелких людских государств. Это ниже, к югу, уже аховмедцы, эльфийцы (или эльфарийцы, как они требовали себя называть); за ними далеко за морем Найский халифат, тоже люди, к востоку катанайцы, за ними орки, а после – великая пустыня Ниоба. Будто бы и все. На первый взгляд выходило, что человеческого роду вроде боль-

ше. Но потом шел пересчет тех, кто земель своих лишился и теперь жил, к примеру, у тех же козлоногих. Говорят, там тоже существ презабавных достаточно. Или взять диковинный народ Айта – полуптиц-полулюдей, которые, по слухам, живут далеко-далеко за пустыней на множестве островов и другие народы не жалуют. Редко когда к ним торговый корабль заплывет, но от них – ни-ни.

Вот и получалось – половина на половину. Ежели по численности смотреть, то людей, конечно, больше. Нет, козлоногие и орки тоже довольно плодовитые, семьи у них большие, но вот эльфийцы, к примеру, вовсе вырождаются. Все меньше и меньше их. У гоблинарцев легче, там даже полукровки более на них похожи, нежели на людей. Кстати, а если смешанных кровей всех учитывать, то их куда относить?

Додумать Мих не успел. Пролетка качнулась и замерла подле трехэтажного дома, единственного на здешней улице.

– Только лишний раз не дергайся, пока стражников проходить будем, – шепнул ему Витольд Львович, подходя к двери.

Мих хотел было спросить, каких таких стражников, но господин уже ударил костяшками пальцев в дверь, и та почти тут же открылась. На его хозяина гневно зыркнул человек, который вдруг стал выше. То бишь вот был обычного росту – не более девяти пядей, а тут в какое-то мгновение раз – выше пятнадцати вымахал. Орчук ниже посмотрел и ахнул. Не было у привратника ног, как есть не было. Ниже тулова

начинался толстый и длинный, свернутый в два кольца змеиный хвост.

– Витольд Львович из полицмейстерства к Его Высочеству Бруу То Вайлу.

Змеехвостец не оборачиваясь что-то сказал на диковинном языке, и внутри зашуршало. Стало ясно: не один он тут такой. Мих тем временем внимательнее разглядывал незнакомца. Сроду таких не видывал. Сверху чин чинарем, одет как подобает, даже на славийский манер, на поясе меч с пистолетом висят. А вот ниже... Страсти какие! Если не видеть хвоста, то обычный человек. Хотя нет, глаза тоже странные: зрачок в них вытянутый, змеиный.

Позади стражника послышался голос, и привратник отошел, точнее уж, одним движением отполз в сторону. Витольд Львович зашел внутрь; Мих за ним. Шагнул и замер от такого великолепия. Под ногами, куда ни ступи, ковры, на столах подносы золотые, сама мебель резная да гнутая. И посреди всего этого великолепия – он, орчук.

Второй змеехвостец повел их наверх, на второй этаж. По коридору мимо нескольких комнат, пока не оказались они в крохотной зале.

– Здравствуйте! Признаться, мы вас очень давно ждем! – раздраженно бросил козлоногий, сидящий посреди залы в большом кресле.

Собственно, ничего такого, обычный аховмедец – крупный, чуть больше человека, но меньше орка. Лицо челове-

ское, разве что вытянуто немного. Ноги ниже колен чуть отходят назад и превращаются в волосатые козлиные, с копытами на концах. Единственное отличие от остальных представителей своего рода – на голове крупные резные рога. Что это значит? Высокородный перед ними. Это их, бедолаг, заставляют накладные рога носить, будто раньше у всех аховмедцев такие росли.

Рядом с Его Высочеством стояли еще несколько козлоногих и змеехвостец. Они, как и Бруу То Вайл, с интересом смотрели на прибывших.

– Прошу прощения, Ваше Высочество, – сначала поклонился Меркулов, а потом отвечивал: – Мы прибыли сразу, как только смогли.

Орчук, ранее не бывавший при высоком обществе, попросту решил повторять за господином – чай, спина не переломится.

– Мы требуем, чтобы вы в скорейшее же время нашли убийцу Рее Ол Дейна!

– Конечно, Ваше Высочество. Мы предпримем все возможное. Скажите, пожалуйста, как это произошло?

– Рее Ол Дейн возвращался из города, – раздраженно ответил козлоногий, – по своему делу. И уже в Захожей слободе, в квартале отсюда, его прирезали. Как паршивую собаку!

– По своему делу? – удивился Витольд Львович.

– Рее Ол Дейн – прислужник, но не слуга. Он вольный. Слуга вот этот, – аховмедец ткнул пальцем в змеехвостца.

– Кто обнаружил Рее Ол Дейна?

– Маар То Кин, – Его Высочество указал на старика-аховмедца, стоявшего рядом, и тот вышел вперед.

– Расскажите, пожалуйста, что видели, – попросил Витольд Львович.

Миху показалось, что высокородный козлоногий нервно застучал копытом об пол. Но старик вроде не обратил на это обстоятельство ни малейшего внимания и стал рассказывать:

– Уже почти смеркалось. Я возвращался по мелкому поручению господина, – копыто при этих словах буквально застрекотало. Маар То Кин сделал паузу и продолжил: – И тогда увидел несчастного Рее Ол Дейна. Он уже был мертв.

– И никаких свидетелей?

– Ни одного живого существа.

– Может, вы что-то заметили?

– Заметил, мертвого Рее Ол Дейна, – огрызнулся старик.

– Тело Рее Ол Дейна сейчас...

– В вашем городском морге, – презрительно бросил Бруу То Вайл. – Ваше ведомство прислало какое-то предписание о «судебном осмотре и вскрытии тела в случае совершения злодеяния». Нам надо завтра сжечь его тело и отослать прах на родину. Я прибыл сюда от лица Его Величества обсудить вопросы мира, а моего соотечественника убивают на улицах Моршана!

– Мы обязательно найдем виновника. И я поспособствую, чтобы сегодня же вам отдали тело для «хаол ото».

Взгляд Бруу То Вайла изменился, в нем внезапно проступило уважение.

– Я буду вам очень признателен, – тон аховмедца потеплел. – Прошу прощения, я не запомнил, как вас зовут.

– Меркулов Витольд Львович.

– Вы мне нравитесь, Витольд Львович. Прошу вас, найдите преступника, и пусть его смерть будет долгой и мучительной.

– Я приложу все силы, – поклонился Меркулов.

Мих повторил движения господина, а пока нагибался, думал: «Это к чему хозяин все силы приложит: чтобы найти душегубца или убить его наиболее мучительно?»

Уже оказавшись в послушно ожидающей снаружи пролетке, орчук отер лоб и почувствовал, как взмокла спина. Не его это дело – вести переговоры, хоть и молчал, а вон как утомился.

– Любезнейший, в городской морг.

Извозчик выпучил глаза, но ума промолчать хватило.

– Что, Михайло, думаешь? – спросил Меркулов, когда пролетка покатила по мостовой.

– А что тут думать, – делано беззаботно отвечал орчук, хотя в голове у него все закипело. Как же, его сам господин спрашивает, – не говорят всей правды. У этого старика, как бишь его... Макар...

– Маар То Кин, – подсказал титулярный советник.

– У него глаза бегали. И рожу он два раза тер, верный при-

знак.

– Так ты у нас физиогномист? – удивился Меркулов.

– Вы, господин, если обижать хотите, обижайте, я привычный, – потупился Мих. – Только просьба одна: на людях не поносите.

Витольд Львович рассмеялся, наверное, впервые за все время их знакомства. Ладно смеялся, по-мальчишески, закидывая голову и хлопая себя по колену. Вроде как ни старался быть холодным и сдержанным, а жизненный ключ все равно бил изнутри.

– Физиогномика – наука чтения человека по лицу. То есть посмотрел и сразу понимаешь, каков собеседник перед тобой: добр ли, зол, болен-здоров.

– Экие вы все слова придумываете заковыристые, – изумился большому уму господина Мих.

– А в общем ты прав. Маар То Кин волновался. Но говорил правду. Только ту, которую ему разрешил поведать Бруу То Вайл.

– Как же он говорил, ежели молчал?

– У аховмедцев, помимо своего языка, есть диковинный метод общения, придуманный чуть меньше ста лет назад неким Морз Эс Эмом. Это своего рода способ кодирования. Ну, то есть... – Меркулов увидел озабоченное лицо Муха и задумался, – смотри. – Он четыре раза постучал костяшкой пальца о деревянный обод сидения, причем после второго удара сделал небольшую паузу. – Это на морзянке буква

«Л». А из букв можно складывать слова и общаться друг с другом. Выглядит лишь трудно, на деле ничего особенного. Один из гоблинарцев недавно и вовсе придумал передавать подобным образом сообщения по проводам.

– Чего только в мире не делается, – у орчука от обилия сведений кругом голова пошла.

– Другие пробовали передавать сигналы подобным образом с помощью света... – Витольд Львович вдруг запнулся, поняв, что его занесло куда-то не туда. – Так вот, Его Высочество сказал Маар То Кину, чтобы тот не говорил о положении убитого. О каком положении, спрашивается?

– А спрашивал этой перестукивалкой на каком языке? – поинтересовался Мих.

– На аховмедском. Я умею на нем бегло разговаривать, знаю несколько их обычаев, отец научил, – сразу пресек дальнейшие расспросы Меркулов. – Еще вопрос: Толмачевский переулочек, один из самых проходных, после смерти аховмедца вдруг пустеет. Это на закате! А ведь Захожая слобода...

– ...стоит до утра, – закончил известную в народе сказку орчук.

– Именно. Знают, кто это сделал, точно знают, но очень боятся. Ладно, с этим мы еще разберемся. Есть у меня пара идей. Вот только посмотрим, что там с Рее Ол Дейном. Человеческое тело, то есть тело всякого существа, даже после смерти может многое о себе рассказать. Или ты противишь-

ся мертвым?

– Да бог с вами, господин, чего им противиться? Покойники – самые незлобивые существа, что аховмедец, что человек. Другое дело живые. Вот кого опасайся. Я к другому. Покушать бы чего, господин. Вы не думайте, мне Его высокоблагородие Константин Никифорович авансу дал, я заплачу.

– Да, признаться, несколько забыл о еде, – смутился Витольд Львович.

– Вы, господин, не обижайтесь, я орчук простой, но вам бы с едой как раз дружить надобно. Любую пищу, что пожирнее, понаваристее, похлебки разномастные, каши явствовать. Мясо, опять же, но не жареное на катыйский манер, когда весь сок из него выходит, а в супе, чтобы с бульоном. Можно картошку попросту отварить, натереть чесноком да зеленью посыпать...

– Понял, понял, – нетерпеливо отмахнулся Витольд Львович, раззадоренный рассказами орчука, вследствие чего у его благородия призывно заурчала утроба. И правда ведь, почти ничего не ел сегодня. – Но сначала в морг, а то, чего доброго, замутит еще.

– Вы зря это, господин, я не впечатлительный. Бывало, и в мертвецких подрабатывал: мыл, убирал...

Они выкатились из Захожей слободы, пересекли Яулу с ее вечно темными и дурно пахнущими водами и оказались обратно среди людей. Ровным счетом ничего не изменилось,

скорее уж тебя здесь могли приголубить сталью, на худой конец, попросту утянуть что из кармана, однако ж извозчик заметно успокоился. И сам орчук чувствовал себя «там» в стесненном расположении духа. Попривык он к людям, а те, хотя зачастую и шарахались его, но, увидев, что Мих смиренный да не буйный, постепенно привыкали.

– Ваше благо... господин, у меня к вам вопрос один.

– Говори, – кивнул Меркулов.

– Уж больно интересно, – признался Мих, – я об магии слышал, конечно. У орков она шаманская, у катайцев с джиннами связана, у аховмедцев с кровью. А вот о людской...

– Что ж, – Витольд Львович нахмурился, раздумывая, с чего начать. – Про Ковчег ты уже слышал, поди?

Мих согласно кивнул. Кто ж про Ковчег не слышал? Надожно либо дремучим совсем быть, либо человеком, к этому миру вовсе не привязанным.

– Так вот, дворянские семьи, вместе с Его Величеством Иоанном Васильевичем с Ковчегом связанные, получили от него силу. Магию то есть. У всех она различная, разной полезности и важности. Кто-то после этого стал известен, как, например, Аристовы, Телепневы, Лазаревы или Волжины. Другие, напротив, ушли в тень, хотя силы своей не потеряли. Третьи слишком расплодились и практически исчерпали магию. Ты ведь знаешь: чем больше отпрысков в дворянской семье, тем слабее способность.

Мих о том не ведал – куда уж ему, орчуку, до таких таинств – но на всякий случай кивнул.

– Наша фамилия тоже из древних, – голос Меркулова при этом стал безрадостным. – Мы долгое время старались не участвовать в политических кознях, не пытались залезть наверх, поближе к Кремлю, но все равно попали под жернова заговора...

Витольд Львович замолчал и посмотрел на выступающую из-за домов башню Моршанского детинца – обители славийских царей, а уже позже императоров. Мих проследил за его взглядом и чуть не перекрестился. Очень уж он этого Кремля боялся, да и на Пальной площади, не только для славийцев открытой, но и для всего иноземного люда, был всего один раз. И ладно бы причина какая была, но вот сидело внутри него что-то – то звериное чувство тревоги, от кочевников по крови переданное.

– После Отречения отца от магии вся его сила распределилась между остальными Меркуловыми. Нас вообще никогда много не было...

– Я слышал, господин, в полицмейстерстве болтали, будто его сослали.

– Сослали, после Отречения. Магию можно добровольно передать, как было на дуэли, даже продать или отречься от нее, – совсем грустно ответил Витольд Львович. Мих теперь видел, что разговоры про родителя доставляют ему большое душевное беспокойство, но сам не знал, как повернуть раз-

говор вспять. – Если уж говорить о моей магии, о магии семьи Меркуловых... – Он достал монету и молча протянул ее Миху.

Орчук, недоумевая, аккуратно подобрал ее двумя пальцами и положил на здоровенную ладонь.

– Подбрось и поймай, – предложил Витольд Львович.

Орчук послушно подкинул мелкую деньгу, расставил пальцы, не сводя глаз с монеты, раз – и захлопнул ее в кулаке. Прислушался к ощущениям и понял, что ничто не холодит кожу.

– Держи, – протянул Меркулов, протягивая ему копейку. – Я с детства очень быстро бегал, обладал отличной реакцией. А с четырнадцати лет, когда семейная магия стала проявляться, понял, что намного быстрее любого человека.

– Так вот вы как на дуэли того Высокоблагородие одолели, – смекнул Мих.

– Невидимость – хорошая способность, но он не стал бес-телесным. На моем уровне восприятия биться с ним было нетрудно.

Мих от множества умных слов смешался, но общий смысл понял. Его благородие на любой удар может прежде ответить, потому что особой магией обладает. Другой бы на его месте майданщиком карточным стал в любом кабаке при подобной ловкости, или бретером, на худой конец. Слышал орчук, что есть особые люди, которым огромные деньги платят, лишь бы они на дуэль неудобных людей вызывали и убива-

ли их. Но куда там. Витольд Львович – дворянского имени, Ковчег все же. Мих тут подумал, что, может, потому только дворяне магией и обладают, что воспитаны самым замечательным образом и свои способности на низменные потребности не используют.

– Приехали, Ваше благородие, – повернулся извозчик.

Пролетка встала перед широким двухэтажным зданием с потертыми дверьми. Мих попытался было прочитать табличку, но Витольд Львович уже расплатился со свойственной ему быстротой, которую теперь орчук хотя бы мог объяснить.

– Ну давай, Михайло, посмотрим, что это за аховмедец такой был, Рее Ол Дейн.

* * *

Извозчик натянул поводья, издал губами звук «тпру» и остановил экипаж. Хотел обернуться, но рука, облаченная в черную перчатку, прервала его, упершись в щеку.

– Ну, не балуй. Предупредил же.

Голос был неприятный, низкий, совсем не подходящий облику пассажира. Точнее уж, фигуре, плотно закутанной с ног до головы в дорожный плащ, которую все же удалось разглядеть при очередном лихо закрученном повороте. Росту невысокого, точно гоблинец, эльф худой (хотя такого не бывает) или карла человеческая, но в руках сила недюжин-

ная. И ловкости был необыкновенной: так быстро в повозку вскочил да ткнул под ребра, приказал не останавливаться и следовать «за господином в пролетке».

Та, кстати, уже с минуту как остановилась. Высокий господин поговорил с извозчиком, дал ему денег и вместе с орчуком, наряженным не иначе как в мундир (для смеху, что ли?), вошел в здание. Извозчик тут же почувствовал, как клинок, который он ощущал под ребрами всю дорогу, исчез.

– Ваше Высокоблагородие, – перестраховался ванька, сразу повысив незнакомца аж до шестого чина. – Как и просили, впоследствии за пролеткой. Она, вона что, уезжает. Вы расплатитесь – и уж тоже...

Под ребра опять уперлось твердое и неприятное, заставившее извозчика замолчать.

– Жди.

И без того день был жаркий, а от постоянного напряжения рубаха на извозчике вся вымокла. Десятки дум уже перебрал, поклялся себе не стоять больше у Захожей слободы. Да, пускай иногда богатые иноземцы встречаются, которые города не знают, вози их кругами да переулками хоть до двух часов кряду, а потом ломи цену, но жизнь своя дороже. Ведь встречается и такой лихой люд, вернее, нелюд. Не разберешь его, и ведет себя странно. На лихоимца не похож, на филера тоже. Вот ведь, «следуй»... Конечно, извозчику тоже было интересно, что там за орчук такой, однако пассажира, по всей видимости, больше интересовал высокий господин.

– Давай к Столешникову переулку, – решил наконец незнакомец.

– Ваше Высокоблагородие, переулоч большой, уж скажите, куда именно.

– Болтаешь много. Ты правь, я покажу, куда.

Извозчик с досадой скрипнул зубами и зло хлестнул лошадь. Только начал надеяться, что сейчас вот-вот отделается от ужасного пассажира, как снова-здорово.

Повозка бойко набрала ход и, выскочив на Михайловскую, чуть не столкнулась с крестьянской телегой.

– Охолопись, не на пожар спешишь, – спокойным ровным тоном шепнул незнакомец.

Ваньке пришлось кивнуть и послушаться. Уж очень упорно под ребрами холодила острый предмет, не иначе синяк останется. А не назвавший свое имя знает спокойно сидит, не шелохнется. Выдержка у него – как у транкльванийца какого. Те тоже вечно холодные, смурные, ничем не возмутимые. Живут головой, а не сердцем.

– Не гони, – сказал пассажир, хотя ехали они и так не шибко скоро.

Таким макаром они протряслись еще пару домов и, только достигнув Столешникова переулочка, даже не въезжая в него, остановились – быстро и по вполне понятной команде, когда давление на спину ослабло, а шею коснулась холодная сталь.

– О поездке нашей никому не обмолвишься. Уйду – в сапог левый заглянешь и деньги найдешь. Больше, чем следу-

ет. Вякнешь кому обо мне – найду. Веришь?

Извозчик хотел было кивнуть, но уперся подбородком в клинок. Однако незнакомец все понял.

– Ну, вот и ладно.

Мгновение – и сталь исчезла. Ванька дрожащей рукой потрогал кровавую полосу на шее и, вздрогнув обернулся. Никого. Сунулся в сапог, сначала в правый, потом в левый – и вытащил бумажную «канарейку». Это когда он рубль успел засунуть? Смял банкноту и хлестнул лошадей. Чтобы еще раз он в Захожую поехал – да не приведи Господь!

Глава 4, в которой Мих узнает об аховмедском Логофете и еще больше про Ковчег

Вспомнилась вдруг орчуку фраза, которую папенька его говаривал, поутру холодной водой обливая: «В здоровом теле здоровый дух». Так вроде кто-то из древних эльфийцев говорил, Увенал его звали, что ли. Хотя странно, посмотришь на этих остроухих островитян и задумаешься: правда ли кто из них такое придумал? Все толсты, низкорослы, одышливы. Ни стати, ни красоты.

А поговорку Мих вспомнил не просто так, а к месту. Каков бы умен ни был Витольд Львович, как бы быстр и ловок, но здоровье ему необходимо подтягивать. Во-первых, питаться правильно и часто. Во-вторых, физической активностью заниматься. В-третьих...

– Ну, господин, возьмите еще, – протянул он Меркулову резко пахнущую марлю, которую им выдал анатомический врач.

– Прошу прощения, – титулярный советник схватил спасительную ткань и судорожно вздохнул.

Дух тут и правда был тяжелый. У непривычного к таким ароматам обывателя обычно через пять минут начинало колоть в висках, через четверть часа голову протыкал желез-

ный прут и темнело в глазах. Хотя орчуку было спокойно. К мертвецам он был равнодушен, да и особенной впечатлительностью не обладал. А запах? В канавах Никольской так порой смердит, что дух морга может показаться легким цветочным ароматом.

– Прошу вас, пожалуйста, продолжайте, – попросил Витольд Львович, не отнимая марли от лица.

– Так вот, удар произошел снизу вверх, – заунывно забубнил покойницкий врач, которого Меркулов обозвал странным словом «патологоанатом». – Прямо в сердце. Весьма неплохой удар – по моим предположениям, потерпевший скончался мгновенно. Собственно, наносили удар чем-то вроде шпаги, посмотрите, какое крохотное отверстие.

Витольд Львович булькнул и стал белее полотна, а вот Мих, напротив, принялся с интересом разглядывать голого аховмедца. Стати тот был необыкновенной, даже будучи покойником – огромное тулово со странным рисунком на нем, крепкие руки (разве что чуть меньше, чем у самого орчука), мощные, поднятые в коленях ноги, чуть уходящие назад и заканчивающиеся копытами. Портила общий вид лишь крохотная прореха на груди, уже отмытая от крови.

– Что это? – Витольд Львович указал вовсе не на ранение, а на рисунки.

– Наколка нательная, – объяснил врач.

– Это ясно, – Меркулов заволновался и отдернул было руку со спасительной марлей, но сразу спохватился и тут же

прижал ее обратно. – Что она означает?

– Ну это, Ваше благородие, не ко мне. Я в них не специалист. Еще что?

– Да, тело необходимо доставить сегодня вечером Его Высочеству Бруу То Вайлу для соблюдения аховмедских церемониальных обычаев. Адрес я напишу.

– Сделаем. Все документы мы уже подготовили, только вас ждали, то есть человека по вашему ведомству.

– Ну и замечательно. Позвольте листок бумаги и чем-нибудь зарисовать татуировку.

Врач принес ему восковку с огрызком графитного карандаша, и Витольд Львович быстро скопировал рисунок. Мих глянул из-за спины своего хозяина и подивился, насколько похоже вышло – черный круг, а к нему сверху присобачена перевернутая луна.

– Благодарю вас, – Меркулов пожал руку врачу.

Тот в ответ кивнул, замешкался, но протянул ладонь и орчуку.

– Душно там как, – глубоко вздохнул Витольд Львович, оказавшись на улице. Он сложил лист на четыре части и убрал во внутренний карман. – Есть у меня предположение, что один человек может нам пролить свет на этот странный рисунок.

– Ваше благородие... – исподлобья посмотрел Мих.

– Мы же вроде договорились без всей этой церемониальности.

– А еще, господин, мы договорились, что отобедаем после морга вашего.

– Ах ты, – досадливо всплеснул руками Витольд Львович, вспомнив о данном слове. – Ну пойдем. Вон, смотри, ресторация.

И правда, через улицу на них смотрели витрины «Серебряного якоря».

Швейцар при входе недоуменно покосился на босые ноги Миха, но далее оглядел орчука полностью, осмотрел его сопровождающего и открыл дверь. Из-за относительно раннего времени – до обеда еще далеко – народу внутри почти не было. Лишь несколько богатых студентов, из тех самых повес, которые являются знатными отпрысками, но каждый день упражняются не в получении знаний, а в спускании родительских денег.

Витольд Львович, полный тревожных дум, сел за ближайший столик, а орчук не без определенных трудностей, заключавшихся в огромных размерах тела, присоединился к нему.

Тут же к ним подскочил лощенный официант с зализанными волосами и вздернутыми кверху тонкими усиками.

– Прошу-с, меню, – он вручил им по картонке и удалился, чтобы издали перешептываться с такими же холуями о странных посетителях.

Миху было хоть и неловко, но он все же постарался обособиться от направленных на него взоров и заправски, точно каждый день на протяжении последних тридцати пяти лет

этим и занимался, стал читать картонку:

- *Консоме из дичи*
- *Пирожки: диавль-пай, буше, волованы, гренки*
- *Филе с трюфелями*
- *Осетры разварные и лососина*
- *Зелень*
- *Жаркое из дичи и индейки*
- *Эльфарийский розбив с гарниром*
- *Стерляди паровые*
- *Фломбер ананасное с маседуаном*
- *Фрукты*

На напитки даже не глянул, и без того тошно стало. Нет, конечно, подобное чтение аппетит расшевелило, орчуку даже захотелось попробовать всяких необыкновенностей, но вместе с тем родился страх опростоволоситься. К слову, из всех перечисленных пирожков он знал только гренки, то бишь попросту хлеб, с яйцом обжаренный.

– Господин, – он наклонился вперед, – вы уж заказ сделайте, а то для меня тут половина слов будто на гоблинарском написаны.

Меркулов согласно кивнул и делано, непринужденным жестом подозвал официанта.

– Любезнейший, мне и моему другу волованов четыре порции, эльфарийского розбива... три порции, стерлядей

паровых по две и фломбер один. Я сладкого не приветствую, – объяснил он Миху.

– Аперитиву не желаете? – склонился над господином официант.

– Минеральной воды, – отвечивал титулярный советник.

Официант несколько скривился, но исполнил все в лучшем виде. А всего через треть часа, когда Мих уже заметно заскучал, началось действо.

Как выяснилось, по две порции Витольд Львович брал орчуку. Лишь волованов – смешных махоньких корзиночек с начинкой, удивительно нежных и тающих во рту, – взял вдоволь. Хотя Мих и не заметил, как смолотил их. Но то баловство. Вот ростбиф (и с какого ляду вдруг эльфариийский), поданный с зеленою, хреном, капустой и горошком, да еще в двойном размере, уже проходил в желудке орчука по вполне серьезной статье. А за ними еще и стерлядки отправились, опять же, сложенные не раз, благодаря щедрости хозяина. Но вершиной всего обеда стал тот самый загадочный фломбер – крохотная фигурька, но вкуснющая до безобразия.

– Ну что, Михайло, наелся? – спросил Меркулов, вытирая рот салфеткой.

– Наелся, господин, – больше всего орчуку сейчас хотелось ослабить ремень и развалиться на стуле. – Давненько так не откушивал.

– Вот и ладно. Теперь мы можем ехать в Императорский

Моршанский университет?

– А на что он нам?

– Там должен быть человек, который сможет нам помочь, если, конечно, все еще преподает.

И обед, считал Мих, прошел самым лучшим образом, пока Витольд Львович не стал расплачиваться. Орчук глядел на шуршащие банкноты, а к его горлу подступал ком, казалось, со всей той едой, которую он проглотил.

Уже оказавшись на улице, потомок ордынских кочевников не стал сдерживаться и возмутился:

– Если каждый раз за обед столько отдавать, то и недели не протянешь. Вы, господин, извините, но лучше уж в трактирах, что для «чистой публики», питаться будем. Там, может быть, всяких фломберов не имеется, но хотя бы по карману все.

– Да, признаться, давно я в приличных заведениях не был, – сконфузился и Меркулов. – Но ничего, будет уроком. Я как в Моршан приехал и у Антонины Леопольдовны поселился, так у нее же и столовался.

– Выжига эта ваша Антонина Леопольдовна, – недобро хмурясь, ответствовал орчук, – поди, обворовывала вас как липку?

– Почему же, пятьдесят рублей я ей за постой и еду платил, а двенадцать у меня еще оставалось.

Мих вслух ничего не сказал, но головой укоризненно покачал. О начальнике у орчука уже стало складываться свое

мнение. Человек, несомненно, самых высоких моральных качеств, умный, вон сколько вещей про аховмедцев знает, да и про другие народности, а вот по бытейской части – ну чисто ребенок. Его любой облапошит, а Витольд Львович и слова не скажет, потому что не заметит. Вот если его чести коснется, то оно конечно...

В мрачном настроении Мих пребывал весь путь до Сокольничьей горы, где располагался Императорский Моршанский университет. Орчук тут сроду не бывал, так, шпиль на главном здании (который оказался совсем невероятных размеров) издалека видел. Публика тут всегда собиралась чинная, из благородных – и не подступишься. И сейчас так, единственно, один рослый бугай уселся милостыню просить, только глупо все сделал. Надобно как? Лицо пожалостливее да увечность какую обозначить. Этот же, напротив, вернулся в робу какую-то, ноги поджал, их тоже не видно, да капюшон накинул. Такому и копейку за весь день никто не подаст.

Витольд Львович без стеснения зашел в главный корпус, пошушукался о чем-то своем с привратником и махнул Ми-ху рукой. Они проследовали по пустым коридорам (студио-зусы, по всей видимости, грызли тот самый клятый гранит науки) мимо закрытых лекционных, поднялись выше и остановились у одной двери. Меркулов толкнул орчука, и тот заглянул. Засунул голову внутрь и обомлел.

А как было не удивиться, когда перед тобой опять магия

самая настоящая происходит. Нет, кабы Мих каждый день по одной всякой способности видел, так, может, и по привычке бы, но сейчас все в диковинку было.

В зале было яблоку негде упасть. И что удивительно, не галдят вихрастые студенты, не шумят, а сидят затаив дыхание и смотрят вперед. Там, подле сухонького старичка с белыми космами по бокам и плешивой макушкой, все действие и разворачивается. На одном месте застыл то ли туман, то ли облако. И среди него проступают очертания людей, слышны голоса, звуки посторонние. И чем больше и внимательней глядишь, тем понятнее становится. Затягивает тебя.

– Ваше Величество, – к худому всклокоченному отроку лет шестнадцати, в замызганном платье и никак на звание Его Величества не претендовавшего, прокрался дюжий мужик. – Гонец прибыл. Транкльванийцы Моршан взяли.

– Прочь иди, – устало и с почти мертвой интонацией отвечал парнишка. – Сколько у нас войск?

Непонятно, у кого спросил. Но вот вопрос задал, и сразу в тумане вторая фигура выплыла – дородная, низенькая, с клочком бороды.

– Да какое войско, Ваше Величество? Слезы все выплакал давешней ночью. Больше двух третей сбежало. Платить нечем, дворяне уже роптать стали, что никакого Ковчега нету и ведет нас старец на погибель.

– Я ему верю, – тихо ответил парень, но очень уж грустно. И тут Миха проняло. Понял он, что отрок этот – не иначе

как Иоанн Васильевич, нашедший Ковчег и открывший славийцам магию. Ведь его папенька так и описывал – молодой совсем, мудрый не по годам, умер девятнадцати лет от роду и возведен в ранг святых. Так, а это, стало быть, тот самый поход за Ковчегом.

Да, время было трудное. Славия только-только власть орков-кочевников с себя сбросила, как с запада новая беда – позарились транкльванийцы на земли плодородные. И мало того, что последние в войсках более богатые были, так существовал у каждого вражеского полководца «артефакт», дарующий им мощь. И помощи ждать было неоткуда. С дрежинцами тогда больно не дружились, да и кроме того их столица, Галия, гоблинцами была осуждена, куда там соседям помогать. Вот тогда и явился светлый старец Инокий пред царем. Откуда взялся, никто не знал. Одни считали, что он всю жизнь близ Пудогы отшельником прожил, оттого и святости такой набрался. Другие говорили, что в прошлом Инокий – богатый купец, который вдруг услышал слово Господне, имущество свое отдал да в монахи постригся. Версий много было, и нигде правды не было.

И молвил Инокий, что в час трудный пусть царь-батюшка войско собирает, а уж он отведет его к Божьему Ковчегу великой хранительницы силы и знаний, что спасет весь славийский народ.

– Царь-батюшка, – в тумане появился крепкий мужчина лет сорока в порванной робе. – Пришли.

– Неужто, Инокий? – встрепенулся отрок. – Ну и где?

– Вон, посреди того болота кочка с кустом. Там куст, под ним и есть он, Ковчег.

Туман вдруг дрогнул и стал таять. Звуки стали тише, а очертания расплывчаты. Совсем чуть-чуть – и облако пропало, а по лекционной пронеслось неодобрительное «У-у-у», кое-кто даже застучал кулаком о деревянную парту.

– Ну, полно, полно, – профессор развел руками, поправил свои космы с боков и добавил: – Будет. Вы учитывайте, дорогие мои, что я старик, сил у меня немного. Нахождение Ковчеха покажу на следующий раз, но, – его махонький морщинистый палец взметнулся вверх, – намеренно сделаю несколько ошибок. Кто определит их, получит допуск к экзамену. Поэтому владейте предметом, господа. Можете быть свободны!

Его последние слова потонули в гвалте и общем шуме. Но то была не обычная веселость, с которой студиязусы бегут из университета, а скорее возбужденное восхищение. Витольд Львович потянул орчука за собой, продираясь против бурного течения распахнутых мундиров, вложенных под руку фуражек и расстегнутых на несколько пуговиц сорочек. Жара, будь она неладна...

– Витольд Львович, а что это за магия такая?

– Визуализация мыслей, очень редкая способность. Признаться, многие считают ее бесполезной, но я думаю, они ошибаются.

Что за «визуализация», Мих спросить не успел. Они спустились пред светлые очи старика, и тот мягким, дружеским взглядом ощупал их.

– Разрешите представиться. Меркулов...

– Да вижу, вижу, молодой человек, не трудитесь, – в один миг тень пробежала по лицу профессора. – Сильно на отца похожи. Он ведь чуть старше был, когда они вместе с Мишкой...

– Вы же не верите, что мой отец и ваш сын были причастны к заговору? – чужим голосом спросил Витольд Львович.

– Не надо, не надо, – старик поднял руку, будто защищаясь. Небольшая часть студиозусов, еще не вышедшая из лекционной, обернулась и задержалась у двери. – Я вас прошу, умоляю, не ворошите прошлое!

– Прошу меня простить, Виталий Арсеньевич, я не хотел сделать вам больно.

– Тогда не будем затрагивать более эту тему, – он порывисто схватил Меркулова морщинистыми руками за ладонь и несколько раз потряс. – Ох, что за чудный экземпляр! – он обратил наконец внимание на орчука, отпустил Витольда Львовича и стал напрашиваться на рукопожатие. – Галахов Виталий Арсеньевич.

– Бурдюков Михайло Терентьевич, – неожиданно для себя выдал Мих. Подумал чуточку и добавил: – К вашим услугам.

– Подумать только, а мне сколько говорят, что орчья

кровь, как ее ни смешивай, все равно дикой остается. Еще и на государственной службе, четырнадцатого чину. По полицейскому ведомству?

– Виталий Арсеньевич, – прервал его Витольд Львович, – мы к вам по очень важному делу.

– Ну, еще бы по неважному. К старику уже давно просто так никто не ходит.

Но все же обращение возымело действие. Профессор повернулся к Меркулову, а тот вытащил сложенный листок и протянул Галахову.

– О, – глаза старичка расширились. – О! Это... очень занимательно. Даже не буду спрашивать, где вы подобное увидели, не хочу слышать вранья. Но это... это...

– Что это? – Витольд Львович решил вернуть разговор в конструктивное русло.

– Рогатый бог. Так его называют аховмедцы.

– Виталий Арсеньевич, сердечно прошу, расскажите мне все, что знаете об этом рогатом божестве.

– Ну-с... – Профессор сделал театральную паузу, но было видно, ему самому не терпится рассказать обо всем. – Это самый главный культ аховмедцев.

– Разве у козлоногих вера какая есть? – вмешался Мих, имеющий некоторое представление об разных народностях.

– Не у козлоногих, а у аховмедцев. Или сыновей Матара, на худой конец, – укоризненно заметил Виталий Арсеньевич. – Мне ли вам говорить, молодой человек, что нельзя су-

дить людей и прочих по внешнему признаку.

Орчук сконфуженно потупился, а профессор продолжил:

– Есть тайный культ, в который посвящают лишь достойных.

– И предмет поклонения – тот самый рогатый бог? – понял Меркулов.

– Именно. Кровавый воин, родоначальник всех аховмедцев.

– Вот почему все правители у них носят рога, – изумленно открыл рот Витольд Львович.

– Именно, – кивнул профессор. – Так вот, о рогатом боге. Культ очень древний, со своими обычаями и традициями. И насколько я знаю, этот знак имел право носить только один из них.

– Поясните, Виталий Арсеньевич.

– Смотрите, культ ведет очень замкнутое и нелюдимое существование. Для них рогатый бог священен, и любое упоминание о нем среди других народов является кощунством. Не спрашивайте, как это знание пришло ко мне, за него пролилось уже немало крови.

– Я все же не понимаю, куда вы ведете, – нахмурился Меркулов.

– Сейчас покажу. – Профессор склонился над столом, вытащил чистый лист и поставил на нем девять точек. – Девять аховмедцев имеют право носить на груди рогатого бога, они называются Усы, что в очень вольном переводе можно обо-

значить как «сыновья». Какова их функциональность в культе и чем конкретно они занимаются, я не знаю. Но! – Виталий Арсеньевич поднял уже перепачканный чернилами палец. – У каждого из них рогатый бог полый, то есть пустой. То есть изображение производится лишь по контуру. И лишь один из аховмедцев имеет право носить на себе полного рогатого бога – Логофет.

– Верховный жрец?

– Там все гораздо сложнее, – покачал головой профессор, как бы оценивая перевод Меркулова, – скорее хранитель. Не спрашивайте, что и зачем он хранит. Фигура Логофета сокрыта такой же тайной, как и сам культ, что, согласитесь, не так уж и странно. Но, как я понимаю, по иерархии хранитель культа рогатого бога не подчиняется даже самому королю Аховмедии.

– Вот почему Бруу То Вайла возмутило, когда я назвал убитого его слугой, – подумал вслух Меркулов.

– И не сочтите меня параноиком, молодые люди, но сдаётся мне, что Логофет мертв.

Мих сдуру кивнул, только потом опомнившись, а Витольд Львович отвел взгляд.

– А значит, ничего хорошего не жди. Крови пролито будет много, аховмедцы – народ горячий.

– Спасибо большое, Виталий Арсеньевич, – заторопился Меркулов, – мы вынуждены откланяться.

– Всего хорошего, молодые люди.

– Витольд Львович, случилось чего? – спросил Мих, едва на мостовую вышли.

– Странно все, весьма странно, – все более хмурился Меркулов. – Эй, стой! До Столешникова переулка, двенадцатый дом. Да побыстрее! Михайло, не зевай!

Они расположились в пролетке. Извозчик залихватски свистнул, ударил вожжей по лошади, прибавив нечто матерное, и помчал их вниз.

– Странно... – бормотал Витольд Львович, потирая указательным и большим пальцами подбородок.

Мих даже не стал справляться, что именно показалось хозяину чрезвычайно удивительным, и Меркулов чуть помолчав, принялся рассуждать вслух:

– Убили Логофета, но аховмедцы вместо мести и кровопролития лишь спокойно ожидают расследования.

– Король ихний шибко недоволен был.

– Не король, а принц, – поправил его Витольд Львович. – И надо знать взрывной нрав козлоногих, чтобы понимать: они сильно себя сдерживают. Опять же, могли сказать, что убит очень высокий по положению сановник, не говоря, кто именно, да скрыли.

– Зачем?

– Думаю, они ведут явно двойную игру. Если они пожертвовали фигурой Логофета, продолжают оставаться для переговоров о мире, чтобы не обострять конфликт, боюсь даже предположить, какова цена всей партии.

– Может, и вправду замирились хотят?

– Нет, как раз от мирного договора меньше других выигрывают аховмедцы. Если верить газетам, дрежинцы будут вынуждены отдать часть территорий, выплатить контрибуцию, а мы выступаем гарантом всего этого. Но в случае продолжения войны аховмедцы получают гораздо больше. Нет, тут все не так просто. Ищи козлоногие простую выгоду, они бы воспользовались убийством Логофета и остановили переговоры. Более того, они позволили забрать тело хранителя, не воспротивившись славийским законам и поставив тем самым весь свой культ под угрозу раскрытия.

– Так говорил же Виталий Арсентьевич, что об этом рогадом боге среди нас никто не знает.

– Все-таки вероятность раскрытия существует. Причем немалая. Следовательно, если размышлять гипотетически, – он взглянул на Миха, – то есть если думать образно, существует нечто намного ценнее жизни Логофета и огласки существования культа.

– Оружие какое, пицаль зачарованная.

– Что-то намного масштабнее.

– А мы, господин, в полицмейстерство теперь?

– К Его превосходительству. Он говорил докладываться обо всем. А мы с тобой, Михайло, за один день столько узнали, на неделю вперед хватит.

И то правда. Вообще нравилась орчуку его новая служба. Такую и работой язык не повернется назвать. Знай ез-

дишь себе полдня туды-сюды, с людьми разговариваешь, ну и с прочими, естественно. И каждый к тебе по-серьезному относится, на мундир смотрит, беседы ведет, ежели не как с равным, то не меньше как с достойным. Даже совестно вроде.

Вот идет побирушка: голова опущена, в глаза боится взглянуть, только рука, вперед выставленная, торчит. Вместо одежды – рубище сплошное, лохмотья, а не платье. Или следом несколько фабричных следуют. Бороды закопчены, лица грязны, руки мозолисты, спины согбенны. Мужик, может, и рад выпрямиться, да, поди, уж забыл, как с прямой спиной ходят. Им дорогу половой перебегает. Этот лицом чист да и платьем ухожен, но и у него жизнь – не кусок рафинаду. Попадется какой норовистый гость, так не преминет в зубы дать, а хозяин потом и рублем накажет. Нервов на подобную работу не напасешься.

Тяжело жить простому люду в Славии, кого ни возьми. И то в Моршане, в столице, еще полегче. Тут, как слышал рассуждения двух мужиков, «возможностей больше». Может, оно и так: Мих вон из рядовых сразу в дамки выпрыгнул.

До полицмейстерства ехали долго. Неблизкая дорога с Сокольничьей горы до Столешникова переулка. Не один час пешего ходу. Это на пролетке, конечно, быстрее.

Подумалось Миху: надо бы как-нибудь дельце обстряпать, чтобы деньги, извозчику данные, потом обратно возвращались. Ведь если посмотреть, Витольд Львович по службе ез-

дит, а деньги свои тратит. Сам господин до того не додумается, голова у него особливými мыслями занята. Вот и сейчас сидит, поди, все об аховмедцах размышляет.

А меж тем и к Столешникову переулку поворотили. Так завернул извозчик, аж колесо от камня оторвалось. Ежели бы не Мих сидел, а другой, похлипче, то и вовсе бы перевернулись. Так же – только дух захватило. Захотелось орчуку отходить лихого ваньку – не за себя, за господина. Не ровен час – покалечил бы.

– Стой, оглашенная!

– Ты и есть оглашенный, – недобро молвил Мих, ступая на мостовую.

Покачал головой, наблюдая, как хозяин дает вдвое больше, чем следовало бы заплатить пройдохе. Хотел о том сказать, но Витольд Львович строго посмотрел на подчиненного и произнес лишь ему понятное: «За экспресс». На том и остановились.

Мих к двери пошел, да по причине своей огромности, неуклюжести и ротозейства чуть не задавил коротышку. Незнакомец был малого роста, ежели даже судить по человеческим величинам, но все же чуть выше гоблинца. Это ничего, бывают люди разные, лишь бы с головой дружбу водили. Именно этот с умом серьезно рассорился, как иначе объяснишь – на улице жарынь стоит невозможная, даже эльфийцы, к ней привычные, из лавок носа не кажут, а этот стоит, как есть полностью в плащ завернутый да с накидкой, лица

вовсе не видно.

Впрочем, может, чумной? Слышал Мих, что ранее на самом конце мира, что севернее Великогоблинарии, страна была – Перигалия. Размерами, само собой, не чета Славии, но по численности их превышавшая. Люд там селился плотно, строили дома высотные, каких в Моршане сроду не видывали, через то и погибли. Пришла чума – и за седмицу половина страны вымерла. Ближайшие же государства границы тут же закрыли, чтобы болезнь не распространять. Даже козлоногие, на что они охотники до завоеваний, в сторону Перигалии не смотрели. Вот и получилось, что у самого моря-океана, в самой лакомой и плодородной земле Чумные Просторы образовались. И, поговаривают, что те, кто выжили там, точно так же, как этот незнамец, ходят, сплошь в плащи завернуты.

Хотя – несурязица это все. Чтобы сюда с Чумных Просторов добраться, нужно проследовать через мелкие людские государства, потом сквозь Аховмедию, Дрежинию или Транкльванию, либо по морю, с заходом в Гоблинарию. Но никто такому скитальцу помощью не поспособствует, тут к гадалке не ходи. Может, филер? Шпионов Мих сроду не видывал, так почему они не могут выглядеть подобным образом?

– Прошу прощения, господин, – сразу обозначил свою виноватость Мих.

А тот в плаще даже головы не поднял, быстрым шагом,

чуть пружинистым, точно на шарнирах двигается, мимо проскочил. Станный – не то слово. Еще деталь одна орчуку в глаза бросилась: трость дивная, тонкая, сплошь черная, как совесть гоблинарца. Единственно что – ручка на солнце блеснула, прямо по очам прошла, заставив зажмуриться. Потер Мих глаза, а незнакомца уже и нет. Куда свернул – непонятно.

Тут уже и подошедший Витольд Львович отвлек. За плечо тронул. Мих даже встрепыхнулся от неожиданности.

– Пойдем уже.

Они вошли внутрь полицейского участка, поэтому не увидел орчук, как на другой стороне улицы вдруг оказался тот самый черный человек, завернутый в плащ. Нет, не появился магическим образом, образовавшись из пустоты, не материализовался чудесами всеблаготворительного электричества и электромагнитного воздействия, о котором газеты много писали, но в жизнь эти идеи не могли привести даже гоблинцы, а попросту – выскочил из какого-то закутка.

Погоды стояли самые что ни на есть духотные и бездождливые, однако незнакомец в полной мере игнорировал эти условия. На его коже, которую он тщательно скрывал, не проступила и капля пота. Он постоял всего несколько секунд, глядя на дверь, за которой скрылись титулярный советник со своим верным помощником, постучал в раздумьях тростью о камень, причем звук от удара чрезвычайно напоминал лязг шпажной стали, а потом резко развернулся и пружинистым, точно на шарнирах двигается, мимо проскочил.

жинистой походкой пошел прочь.

Глава 5, более подробно рассказывающая о дворянских семьях

– Так, – вновь самым зловещим тоном сказал обер-полицмейстер, когда Витольд Львович сделал паузу, дабы набрать дыхание.

Этими «таками» Его превосходительство рубил рассказ титулярного советника на части, будто обдумывая каждый услышанный кусок. Мих все это время стоял ни жив ни мертв. Орчук вообще удивился, каким образом мелкому чину, каков он был, разрешили присутствовать при таком заседании, да еще когда члены все сидят в парадных мундирах. Во-первых, господин обер-полицмейстер самой внушительной наружности; во-вторых, помощник его, сухой, длинный как жердь, Константин Никифорович, с которым Мих уже был знаком; в-третьих, еще один полицмейстер, какого ранее он не видал. В диковинных очках, сам толстенький, румяный, как рогулька творожная. Как зашли, так заулыбался, на орчука все любопытственно поглядывал, но после первых слов, сказанных Витольдом Львовичем, посерьезнел.

Может, потому и не вывели орчука, что попросту забыли о нем? Забавно, конечно, о такой дуре запомнить. Но стоял Мих недвижно, тем более титулярный советник так ладно

сказывал, что заслушаешься.

Пока Его превосходительство «такал», Константин Никифорович все более мрачнел, недовольно поглядывая то на орчука, то на его господина.

– Дела... – выдал Александр Александрович, когда титулярный советник замолчал. – А я-то думал, пустяковое дело. Вечно с вами, Меркуловыми, всякие неприятности происходят. Ну да ладно. Я сейчас к светлейшему князю Кириллу Николаевичу, он обед благотворительный дает. Поедешь, Витольд Львович, со мной, все равно об ограблении докладывать императору через Его Высочество, заодно и тебя покажу. Ты, поди, и не знаешь, что пошел слушок уже о молодом человеке, только из ссылки вернушемся, что успел на дуэли подраться и в полицмейстерстве особое место занять. Заодно и поговорим дорогой, как дальше жить и что делать. Пойдемте, господа, пойдемте, время поджимает.

Несмотря на торопливость, они чинно и несуетливо спустились с лестницы, образовывая в местах, где проходили, затор, ибо все служащие и просители старались поздороваться, поклониться, а кое-кто и облобызать руку обер-полицейстера. Обиженный общим вниманием Мих (что, к слову, случалось довольно редко, и теперь он был очень рад такому обстоятельству) следовал позади, не слишком близко, но и не далеко. Лишь оказавшись на улице, потомок ордынцев на секунду замер, не зная, что же делать дальше.

Причиной тому было ландо с открытой крышей, то есть

четырёхместная повозка с кучером. Мих был сообразительным не только для орчука, но и, против того, для обычного человека, поэтому сразу смекнул: он не едет. Подумал о том и его господин, так как повернулся к обер-полицмейстеру.

– Ваше превосходительство, а как же Михайло?

– Кто? – Александр Александрович обернулся и, увидев орчука, хлопнул себя по ноге. – Вот ведь. Куда ж мы его такого денем? Хотя Его Высочеству бы понравился, – он подумал долю секунды, но отрицательно покачал головой. – Ты уж, Михайло, не взыщи, некуда тебя... Если только бегом, – неловко пошутил обер-полицмейстер.

– Это можно, Ваше превосходительство.

– Что можно?

– Ну... бегом.

– Сам смотри, – недоверчиво усмехнулся Александр Александрович, усаживаясь в ландо.

Господа последовали его примеру, занимая места. Еще минута – и экипаж тронулся. Не сказать что быстро – все-таки не беговые дрожки, повозка длинная, свое понятие имеющая. А за ними на почтительном расстоянии, но все ж не отставая и придерживая на ходу ремень, меряя огромными шагами мостовую, неся орк. Нет, размером только как ордынец, но ни клыков, ни длинных волос, в хвост собранных, да одет в самый что ни на есть мундир. Единственно только – бос.

Один из пассажиров, в котором многие прохожие уга-

дывали Его превосходительство генерал-майора Александра Александровича Муханова, время от времени поворачивал голову, восхищенно смотрел на сопровождающего, удивленно покачивал головой и что-то говорил своим спутникам. Обер-полицмейстер, как, впрочем, и большинство славийцев, относился к оркам и полукровкам от них же с большим предубеждением. Собственно, жителей самого большого человеческого государства можно понять: сложно любить существ, которым приходилось платить больше трехсот лет дань, пока могучее государство кочевников не разрушилось изнутри под гнетом внутренних противоречий и ссор.

А если бы Александр Александрович немного интересовался особенностью орков – пусть не их шаманской магией, полностью стреноженной с окружающей мирской сущностью, а телесными свойствами, – то знал бы: нет быстрее бегуна, разве что кроме полулюдей-полуконей с далекого материка Кентрстралия. Но существовали ли последние, а может, то глупые сказки – неизвестно, а вот про кочевников любой, кто раз видел их хотя бы на скором шаге, мог сказать: быстры, черти.

С одной стороны, странно: грузны, огромны, как им бегать? Однако ж вон что. Порой бывало, что и лошадей, отбившихся от стада, пешими догоняли. Пусть скакуны у них, по причине размеров и широкой кости, способной нести на себе больше девятнадцати пудов, менее тихходны человеческих, но все же.

Вот и Мих, хоть и был не в лучшей форме, даже клял про себя чуть расплывшийся живот, но за всю дорогу не отстал от экипажа. Вспотел как мышь, дышал часто-часто, но сдюжил. А когда ландо наконец остановилось у обширного особняка, глубоко уходящего назад, согнулся пополам, стараясь с непривычки не выплюнуть собственную печенку.

– Силен, ох силен! – восхищенно потирал ладони обер-полицмейстер, спустившись на мостовую. Он повернулся к Константину Никифоровичу, на лице которого была самая кислая мина, и добавил: – Ведь ни разу не отстал. А я уж, как на Ильинку выехали, Климу говорю: «Гони, давай, гони!» А этот не отстал.

Александр Александрович еще немного повосхищался, после чего оправил мундир Миха, затянул ремень, пробормотал нечто несвязное о том, что «можно было и получше одежду найти», и качнул головой в сторону особняка.

Орчук пошел за всеми, смешавшись от внезапных треволнений и невозможности как следует отдышаться. Но уже поздно, дверь открылась, пахнуло роскошью и богатством, и босой Мих вступил совершенно в другой мир.

Высоченные даже для орчука сводчатые потолки невыносимым образом давили сверху; парадные лестницы взметались с двух сторон, а расположенная чуть дальше гостиная, которую Мих назвал не иначе как зала, одновременно восхитила и окончательно растоптала потомка кочевников. Разглядывал он узорные пилястры в виде ангелов, завитушки

лепные, которыми все украшено, мраморные полы, охлаждающие его босые ступни. Глядел и удивлялся.

Вот странно: всего в десяти шагах – улица. Люд там разный, помимо благородных можно и рвань всякую распоследнюю встретить, а тут яркий свечной свет, прислуга одета так, как Мих и желать не мог, простору – аж дышать тяжело, и повсюду взоры, взоры. Смотрят мужчины вместе с дамами, пышно разодетыми, всех фигура орчука ажиотирует. Мих сам смешался. Покраснел, что, впрочем, на его зеленом лице не шибко заметно было, голову опустил и за господами-полицейскими пошел.

– Вот это Телепневы, те самые, что водой управляют, – шептал обер-полицмейстер Меркулову, на ходу кивая встречным. – Большую помощь оказывают Моршану, один из них дюжины пожарных стоит. Сплошь все брандмейстеры, ну а Виктор Семеонович – глава рода, брандмайор, хотя тоже генерал-майор, но сам понимаешь, способности. Вот Лазаревы, их мало, всего трое в Моршане, при Государе Императоре. Шпионы, но не шпики обычные, а самого верху. Магия у них... как бы сказать...

– Сквозь стены проходят, – подсказал Меркулов.

– Точно, – кивнул обер-полицмейстер. – Знаком?

– Ну что вы, Ваше превосходительство. Попросту наслышан.

– Да, фамилия известная. Вон Волжиных двое, этих не проткнет никто. Кожа у них после магии будто железная

становится. Попробуй с такими на дуэль пойти, – хохотнул Александр Александрович, продолжая продвигаться вперед. – Дашковых ты знаешь, – кашлянул он, одновременно кивнув хмурому сухому старику с грозным видом. – Лубяновские. Если эти рядом, тише говори. Хотя все равно услышат. И сейчас, поди, уши греют.

Судя по покрасневшему лицу молодого франта, так оно и было.

– Неверовичи. В ночи светятся как те светляки, но на этом все. Скучная у них магия. Усовы – они летают. Или попросту парят, не очень это отличаю. Тарбеевы сами свет производят, никаких свечей не надо. Руку протянул – и все. Экономно, а? Приклонские все могут запомнить, что хоть раз увидят или услышат. Вместо книгохранителей у Государя Императора на службе. Галицкие – вон в стороне двое – за версту, говорят, муху разглядят. Как понимаешь, на военной службе. А вот...

Шел Мих, слушал шепот обер-полицмейстера (он не Лубяновский, но орочье чутье не самое последнее – иной раз и сородичам выжить помогает) да удивлялся. Нет, знал он про дворян, Ковчег, магию. Сказывал ему отец поверхностно. Те, кто с царем-батюшкой Иоанном Васильевичем (хотя трудно теперь было того юнца безусого, которого профессор показывал, так величать) за Ковчегом отправился и великую силу получил. В каждую семью – по одной магической способности. Кому-то повезло, как Волжиным или Лазаревым,

другим менее, а третьим вообще ветошь всякая досталась, в хозяйстве бесполезная. Хотя вроде тоже магия! Но одно дело слышать обо всем, и совсем другое – воочию лицезреть. А перед Михом теперь все великие семьи, к Ковчегу восходящие.

Дальше еще больше. Они полностью прошли большую залу и оказались в игровой комнате. Все помещение находилось в сигаретном дыму, отчего у Миха защипало в глазах, и было там полным-полно мужчин, чувствующих себя более чем свободно. Об этом говорили расстегнутые воротники, покрасневшие шеи и довольные лица. Посреди всей этой беззаботной вакханалии возвышался мрачного вида господин в мундире с различными орденами. Мих разглядел «Св. Андрея Первозванного», «Св. Георгия», «Белого Орла» и, конечно же, «Анны». Так вот каков великий князь!

Лицом Его Высочество был не живописен: маленькие тусклые глаза, ввалившиеся щеки, крохотные губы, лишь нос прямой и красивый, императорский. Только на этом осунувшемся лице он смотрелся нечаянным гостем, стеснявшимся своего положения.

– О, Александр Александрович нас присутствием своим благодетельствовал! – крикнул кто-то со стороны стола. И продолжил шутливо: – Ваше превосходительство, давайте к нам.

– В стуколку? – прищурился обер-полицмейстер, разглядывая карты, на столе. – Нет, благодарю, господа. Я давеча и

так проигрался в пух и прах, повременю. Ваше Императорское Высочество, – поклонился Его превосходительство, и все полицейские чины, с ним пришествовавшие, сделали то же самое, Мих в том числе.

– Здравствуй, Александр Александрович! Гляжу, ты в прелюбопытной компании.

Лицо Его Высочества оставалось вялым, но вот взор приобрел неожиданную подвижность. Он пробежал сначала по орчуку (как ни старался Мих ссутулиться, дабы сделаться меньше, данный прием не имел особенного успеха), а следом прошелся по новому приставу следственных дел.

– Так, значит, вы и есть та отчаянная голова, которая, несмотря на запрет моего брата о проведении дуэли, вызвала Дашкова на поединок? – Голос Его Высочества был до невероятности холоден, но в глазах плясали веселые чертята.

– Меркулов Витольд Львович, Ваше Высочество, – смешался Меркулов. Разговор начался явно не с того, чего он ожидал. – Дело обстояло не совсем так. Это Михаил Николаевич вызвал меня на дуэль.

– А Дашковы твердят ровно об обратном, свидетелей приводят, требуют сатисфакции. Если бы не Александр Александрович, – кивнул он на обер-полицмейстера, – вам бы пришлось совсем худо. Очень плохую стратегию вы вырабатали для жизни в столице, – сказав это, Его Высочество улыбнулся. – Тем интереснее будет понаблюдать за вами. Тем более в компании такого здоровяка, – он показал взгля-

дом. – Орчук с классным чином, изумительно... Ну ладно, Александр Александрович, потешил ты мое любопытство, теперь давай о делах поговорим. Твой подчиненный новый тоже ограблением занимается?

– Нет, он расследует смерть аховмедца в Захожей слободе, – обер-полицмейстер не стал распространяться о положении убиенного.

– В таком случае... – Его Высочество развел руками.

– Витольд Львович, ты погуляй пока, мы сейчас, – повернулся к Меркулову обер-полицмейстер.

Титулярный советник кивнул и отошел в сторону. Орчук потянулся за ним. Не успел он и рта раскрыть, как рядом с обоими появилась фигура незнакомца. Мих недовольно оглядел незваного гостя: немолод, но ухожен, красив и, что самое приметное, рыж. Мих сразу догадался, кто перед ним, что дворянин тут же подтвердил.

– Аристов Павел Мстиславович, к вашим услугам, – несколько развязно представился подошедший.

– Меркулов Витольд Львович, к вашим услугам, – к приветствию титулярный советник присовокупил небольшой поклон.

– Наслышан о ваших приключениях, наслышан, – кивнул Аристов, доставая крупный портсигар. – Сигару?

– Благодарю, не курю.

– А я с вашего позволения, – новый знакомец, не сводя внимательных глаз с Меркулова, поднес к сигаре палец, и на

его конце заплясал огонь. Пока Мих стоял с открытым от изумления ртом, дворянин прикурил. – Как я и говорил, слышан о вас. Во всех салонах и домах аристократии только и разговоров: кто такой этот Меркулов?

Витольд Львович стал пунцового цвета, но промолчал. Аристов поднес сигару к губам, но, задумавшись, отнял руку и продолжил:

– Хоть прошло и много лет, но фамилию Меркуловых здесь помнят. Ровно как Галаховых и Стрельбицких. Было бы очень неразумно сейчас ворошить прошлое.

Он задымил сигарой, ожидая реакции, но Витольд Львович по-прежнему молчал.

– Не подумайте, я не тот ретроград, что плачет о былых временах, когда царская власть была жестче и справедливее. Я живу настоящим и все нужные связи создаю именно исходя из этих соображений. Поэтому если вы намереваетесь идти своим путем, не оглядываясь на дела отца, то можете многого достигнуть. В том числе не без моей помощи. Надеюсь, мы поняли друг друга.

Витольд Львович пожал протянутую ему руку.

По всей видимости, Аристов, удовлетворенный неразговорчивым и согласным собеседником, уже собрался уходить, когда высокие резные двери, ведущие в большой зал, с грохотом распахнулись.

На пороге появился взъерошенный рыжий юноша, судя по дорогой одежде – из благородных (с другой стороны – каким

бы образом еще он попал сюда?). Если не брать во внимание яркий, точно полыхающий в ночи костер, цвет волос и рассыпанные по лицу веснушки, а оценивать исключительно по физиогномической схожести, то родство ворвавшегося паренька и замершего с сигарой Аристова было несомненным. Дворянский сын это сразу подтвердил, огласив игральную комнату тонким, ломающимся голосом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.